
ЖАК ЛАКАН
TéléVision

jacques lacan. *télévision*

жак лакан *телевидение*

seuil

гнозис

JACQUES LACAN

TÉLÉVISION

Éditions du Seuil
Paris 1974

ЖАК ЛАКАН

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Гнозис
Москва 2000

ББК 87.3
Л 86

Перевод с французского А. Черноглазова
Корректор – Д. Лунгина

Координация проекта – О. Никифоров,
философский журнал «ΛΟΓΟΣ» (Москва)
и Le Champ Freidien.

Лакан Ж.
Л 86 *Телевидение.* Пер. с фр./Перевод А. Черноглазова. М.: ИТДК «Гнозис», Издательство «Логос», 2000. – 160 с.

Текст классика современного психоанализа, в «популярной» форме резюмирующий основные принципы его дискурсивной практики применительно к различным областям повседневного человеческого существования.

ISBN 5-8163-0016-4

Оглавление

Avertissement

1. «Une émission sur Jacques Lacan», souhaitait le *Service de la Recherche de l'O.R.T.F.* Seul fut émis le texte ici publié. Diffusion en deux parties sous le titre *Psychanalyse,* annoncée pour la fin janvier. Réalisateur: Benoît Jacquot.

2. J'ai demandé à celui qui vous répondait de cribler ce que j'entendais de ce qu'il me disait. Le fin est recueilli dans la marge, en guise de *manuductio.*

J.-A. M., *Noël 1973*

Celui qui m'interroge sait aussi me lire.

J. L.

К читателю

1. Передача о Жаке Лакане заказана была научно-исследовательским отделом Французского радио и телевидения. Достоянием публики стал покуда лишь публикуемый здесь текст. Передача в двух частях под названием "Психоанализ" объявлена на конец января. Режиссер программы Бенуа Жако.

2. Я попросил того, кто вам отвечал, проверить внимательно то, что расслышал я в том, что он мне говорил. Суть его замечаний приведена на полях в качестве *manuductio*.

Жак-Алэн Миллер, *Рождество* 1973 г.

Тот, кто мне задает вопросы,
умеет меня и прочесть.
Ж. Л.

I

Je dis toujours la vérité: pas toute, parce que
S(Ⱥ) toute la dire, on n'y arrive pas. La dire toute, c'est impossible, matériellement: les mots y manquent. C'est même par cet impossible que la vérité tient au réel.

J'avouerai donc avoir tenté de répondre à la présente comédie et que c'était bon pour le panier.

Raté donc, mais par là-même réussi au regard d'une erreur, ou pour mieux dire: d'un errement.

Celui-ci sans trop d'importance, d'être d'occasion. Mais d'abord, lequel?

I

Я всегда говорю истинную правду. Не всю, потому что сказать всю правду – дело безнадежное. S(Ⱥ) Высказать истину целиком просто невозможно, невозможно в чисто материальном смысле – для этого не хватает слов. Больше того, самим этим «невозможно» и обусловлена как раз зависимость истины от Реального.

В итоге я должен признаться, что попытался подать в этой комедии свои реплики и что годится все это псу под хвост.

Итак, провал – но именно поэтому, имея в виду кое-какой огрех, а точнее, прегрешение, все-таки успех.

Прегрешение это, будучи не ново, не так уж существенно. Но чем же я погрешил?

L'errement consiste en cette idée de parler pour que des idiots me comprennent.

Idée qui me touche si peu naturellement qu'elle n'a pu que m'être suggérée. Par l'amitié. Danger.

Car il n'y a pas de différence entre la télévision et le public devant lequel je parle depuis longtemps, ce qu'on appelle mon séminaire. Un regard dans les deux cas: à
$(a \diamond \$)$ qui je ne m'adresse dans aucun, mais au nom de quoi je parle.

Qu'on ne croie pas pour autant que j'y parle à la cantonade. Je parle à ceux qui s'y connaissent, aux non-idiots, à des analystes supposés.

L'expérience prouve, même à s'en tenir à l'attroupement, prouve que ce que je dis intéresse bien plus de gens que ceux qu'avec quelque raison je suppose analystes. Pourquoi dès lors parlerais-je d'un autre ton ici qu'à mon séminaire?

Outre qu'il n'est pas invraisemblable que j'y

А погрешил я самой мыслью говорить так, чтобы меня поняли идиоты.

Мысль настолько для меня по природе чуждая, что могла мне быть разве что внушена. По дружбе. Надо быть осторожным.

Ибо между телезрителями и публикой, перед которой я говорю уже много лет – слушателями того, что называют обычно моим семинаром, – никакой разницы нет. В обоих случаях это некий взгляд, к которому я ни в одном из них не обращаюсь, но ради которого я, собственно, и говорю.

$(a \diamond \$)$

Не думайте, однако, что я адресую свою речь кому попало. Я обращаюсь к тем, кто знает толк в нашем деле, к не-идиотам, к предполагаемым психоаналитикам.

Опыт показывает, что даже с учетом эффекта стадности то, что я говорю, интересует гораздо большее число людей, нежели наберется тех, в ком я с некоторым основанием подозреваю психоаналитиков. Но почему тогда должен я говорить здесь по-другому, не так, как делаю я это на своем семинаре?

Не говоря уже о том, что и здесь меня,

suppose aussi des analystes à m'entendre.

J'irais plus loin: je n'attends rien de plus des analystes supposés, que d'être cet objet $\frac{a}{S_2}$ grâce à quoi ce que j'enseigne n'est pas une autoanalyse. Sans doute sur ce point n'y a-t-il que d'eux, de ceux qui m'écoutent, que je serai entendu. Mais même à ne rien entendre, un analyste tient ce rôle que je viens de formuler, et la télévision le tient dès lors aussi bien que lui.

J'ajoute que ces analystes qui ne le sont que d'être objet — objet de l'analysant —, il arrive que je m'adresse à eux, non que je leur parle, mais que je parle d'eux: ne serait-ce que pour les troubler. Qui sait? Ça peut $S_1 \rightarrow S_2$ avoir des effets de suggestion.

Le croira-t-on? Il y a un cas où la suggestion ne peut rien: celui où l'analyste tient son défaut de l'autre, de celui qui l'a mené jusqu'à «la passe» comme je dis, celle de se poser en analyste.

может статься, слушают психоаналитики.

Скажу больше: от предполагаемых аналитиков нужно мне лишь одно – они должны быть тем объектом, благодаря $\frac{a}{S_2}$ которому то, что я преподаю, не сводится к простому самоанализу. Разумеется, то, что я этим хочу сказать, поймут только они, мои слушатели. Но и не понимая ничего, психоаналитик выполняет ту роль, которую я только что сформулировал, а коли так – с не меньшим успехом выполняет ее и телеаудитория.

Добавлю только, что к тем психоаналитикам, которые являются таковыми лишь в качестве объектов – объектов проделывающего анализ субъекта, – я, случается, действительно обращаюсь; не то чтобы я что-то говорил им самим – нет, но зато я говорю о них, хотя бы для того, чтобы их смутить. Кто знает! Может статься, это даст эффект внушения. $S_1 \rightarrow S_2$

Не знаю, поверят ли мне, но есть случай, когда внушение бессильно, – это тот случай, когда психоаналитик получает свой изъян от другого, того самого, кто подвел его к так называемому у меня "переходу", к выступлению в качестве аналитика.

Heureux les cas où passe fictive pour formation inachevée: ils laissent de l'espoir.

Благословенны случаи, когда “переход” фиктивен, ввиду того что анализ не доведен до конца, – они оставляют какую-то надежду.

II

— Il me semble, cher docteur, que je n'ai pas ici à rivaliser d'esprit avec vous..., mais seulement à vous donner lieu de répondre. Aussi vous n'aurez de moi que les questions les plus minces — élémentaires, voire vulgaires. Je vous lance: «L'inconscient — drôle de mot!»

— Freud n'en a pas trouvé de meilleur, et il n'y a pas à y revenir. Ce mot a l'inconvénient d'être négatif, ce qui permet d'y supposer n'importe quoi au monde, sans compter le reste. Pourquoi pas? A chose

II

Мне кажется, дорогой доктор, что моя задача здесь не вступать с Вами в интеллектуальное состязание, а лишь дать Вам возможность высказаться. Поэтому и вопросы мои к Вам будут самые незатейливые – элементарные, даже вульгарные. Итак, начнем: «Бессознательное – что за чудно́е слово?»

Ничего лучшего Фрейд не придумал, а менять что-либо уже поздно. Слово это неудобно тем, что представляет собой отрицание, так что вообразить по его поводу можно все на свете – не говоря уже о прочем. А почему бы и нет? О вещи,

inaperçue, le nom de «partout» convient aussi bien que de «nulle part».

C'est pourtant chose fort précise.

«La condition de l'inconscient, c'est le langage»,...

Il n'y a d'inconscient que chez l'être parlant. Chez les autres, qui n'ont d'être qu'à ce qu'ils soient nommés bien qu'ils s'imposent du réel, il y a de l'instinct, soit le savoir qu'implique leur survie. Encore n'est-ce que pour notre pensée, peut-être là inadéquate.

Restent les animaux en mal d'homme, dits pour cela d'hommestiques, et que pour cette raison parcourent des séismes, d'ailleurs fort courts, de l'inconscient.

L'inconscient, ça parle, ce qui le fait dépendre du langage, dont on ne sait que peu: malgré ce que je désigne comme linguisterie pour y grouper ce qui prétend, c'est nouveau, intervenir chez les hommes

которую никто и в глаза не видел, с равным успехом можно сказать, что она «везде» и что она «нигде».

Бессознательное, между тем, представляет собой вещь очень определенную.

Бессознательное бывает только у существа говорящего. Что до прочих, которые, хотя и навязаны нам со стороны Реального, бытием обладают лишь постольку, поскольку они именованы, то у них есть инстинкт, то есть то знание, которое требуется для их выживания. Правда, справедливо все это лишь для нашего мышления, в данном случае, возможно, неадекватного.

«Условие бессознательного – это язык»

Остаются лишь животные, которые без человека, *homme*, похоже, обойтись не могут, отчего д*homm*ашними и называются, и которые испытывают-таки поэтому подземные толчки бессознательного – впрочем, довольно непродолжительные.

Бессознательное – оно говорит, что делает его зависимым от языка, о котором знаем мы очень мало: и это несмотря на то, что я называю *лингвистерией*, объе-

...lequel ex-siste à lalange

au nom de la linguistique. La linguistique étant la science qui s'occupe de lalangue, que j'écris en un seul mot d'y spécifier son objet, comme il se fait de toute autre science.

hypothèse analytique.

Cet objet pourtant est éminent, de ce que ce soit à lui que se réduise plus légitimement qu'à tout autre la notion même aristotélicienne de sujet. Ce qui permet d'instituer l'inconscient de l'ex-sistence d'un autre sujet à l'âme. A l'âme comme supposition de la somme de ses fonctions au corps. Ladite plus problématique, malgré que ce soit de la même voix d'Aristote à Uexküll, et qu'elle reste ce que les biologistes supposent encore, qu'ils le veuillent ou pas.

i(a)

En fait le sujet de l'inconscient ne touche à l'âme que par le corps, d'y introduire la pensée: cette fois de contredire Aristote. L'homme ne pense pas avec son âme, comme

диняя в этом слове все то, что норовит – и это нечто новое – выступать у публики от имени лингвистики. Ибо лингвистика – это наука, которая занимается *йазыком* (эту необычную орфографию я использую для того, чтобы обозначить специфику ее предмета, без чего в любой науке не обойтись).

который йазыку вне-существует:

Предмет этот имеет, между тем, значение первостепенное, ибо именно к нему с куда большим правом, нежели к чему-то иному, само аристотелевское понятие субъекта может быть сведено. Что и позволяет определить место бессознательного исходя из вне-существования, вне-положности другого субъекта – душе. Душе как тому предполагаемому, что лежит за совокупностью ее телесных функций. И является, пожалуй, – вопреки единодушному мнению ученых от Аристотеля до Юкскюля и тому факту, что биологи, хотят они того или нет, до сих пор молчаливо ее существование допускают, – проблематичным.

вот в чем состоит аналитическая гипотеза

i(a)

На самом деле субъект бессознательного соприкасается с душой лишь посредством тела, куда он, на сей раз вопреки Аристотелю, вводит мысль. Чело-

l'imagine le Philosophe.

La pensée n'à à l'âme-corps qu'un rapport d'ex-sistence.

Il pense de ce qu'une structure, celle du langage — le mot le comporte — de ce qu'une structure découpe son corps, et qui n'a rien à faire avec l'anatomie. Témoin l'hystérique. Cette cisaille vient à l'âme avec le symptôme obsessionnel: pensée dont l'âme s'embarrasse, ne sait que faire.

La pensée est dysharmonique quant à l'âme. Et le νοῦς grec est le mythe d'une complaisance de la pensée à l'âme, d'une complaisance qui serait conforme au monde, au monde *(Umwelt)* dont l'âme est tenue pour responsable, alors qu'il n'est que le fantasme dont se soutient une pensée, «réalité» sans doute, mais à entendre comme grimace du réel.

Le peu que la réalité tient du réel

— *Il reste qu'on vient à vous, psychanalyste, pour, dans ce monde que vous réduisez au fantasme, aller mieux.*

век не мыслит, как воображал Философ, своей душой.

А мыслит он оттого, что некая структура, а именно структура языка, расчленяет – как само слово подразумевает это – его тело, причем способом, не имеющим ничего общего с анатомией. Разделка эта является душе в виде навязчивого симптома – мысли, которая ставит душу в тупик, с которой та не знает, что делать.

По отношению к душе-телу мысль вне-существует

Мысль находится с душой в состоянии дисгармонии. Греческий νοῦς как раз и представляет собой миф о том, как ладит мысль с душой, и лад этот уподобляется миру – тому окружающему миру (Umwelt), за который именно душа считается ответственной, хотя на самом деле он представляет собой лишь фантазм, с помощью которого поддерживает себя мысль, – своего рода «реальность», конечно, но не более чем гримаса Реального.

То немногое, что реальность заимствует у Реального

Тем не менее к Вам, психоаналитикам, приходят именно для того, чтобы здесь, в мире, который для Вас лишь фантазм, чувствовать себя лучше.

La guérison, c'est aussi un fantasme?

— La guérison, c'est une demande qui part de la voix du souffrant, d'un qui souffre de son corps ou de sa pensée. L'étonnant est qu'il y ait réponse, et que de tout temps la médecine ait fait mouche par des mots.

Pouvoir des mots

Comme était-ce avant que fût repéré l'inconscient? Une pratique n'a pas besoin d'être éclairée pour opérer: c'est ce qu'on peut en déduire.

— L'analyse ne se distinguerait donc de la thérapie que «d'être éclairée»? Ce n'est pas ce que vous voulez dire. Permettez que je formule ainsi la question: «Psychanalyse et psychothérapie, toutes deux n'agissent que par des mots. Elles s'opposent cependant. En quoi?»

— Par le temps qui court, il n'est pas de psychothérapie dont on n'exige qu'elle soit «d'inspiration psychanalytique». Je module la chose pour les guillemets qu'elle mérite.

Исцеление – это тоже фантазм?

Исцеление – это требование, за которым стоит голос страдающего, страдающего душой и телом. Удивительно то, что он-таки получает ответ и что испокон веку медицина попадала в точку, находя именно то слово, которое было нужно.

Могущество слов

Как это было возможно до обнаружения бессознательного? Чтобы делать свою работу, практика в просвещении не нуждается – вот вывод, который отсюда напрашивается.

Получается, что анализ от терапии только своей «просвещенностью» и отличается? Это совсем не то, что Вы имели в виду. Позвольте мне сформулировать вопрос так: «Психоанализ, как и психотерапия, действует посредством слов. И все же они противостоят друг другу. В чем же именно?»

В настоящее время нет такой психотерапии, от которой не требовалась бы работа «в психоаналитическом ключе». Я не случайно ставлю это выражение в заслу-

La distinction maintenue là, serait-elle seulement de ce qu'on n'y aille pas au tapis, ... au divan veux-je dire?

Ça met le pied à l'étrier aux analystes en mal de passe dans les «sociétés», mêmes guillemets, qui, pour n'en rien vouloir savoir, je dis: de la passe, y suppléent par des formalités de grade, fort élégantes pour y établir stablement ceux qui y déploient plus d'astuce dans leurs rapports que dans leur pratique.

C'est pourquoi je vais produire ce dont cette pratique prévaut dans la psychothérapie.

Il n'est structure que de langage

Dans la mesure où l'inconscient y est intéressé, il y a deux versants que livre la structure, soit le langage.

Le versant du sens, celui dont on croirait que c'est celui de l'analyse qui nous déverse du sens à flot pour le bateau sexuel.

«Il n'y a pas de rapport sexuel.»

Il est frappant que ce sens se réduise au non-sens: au non-sens du rapport sexuel, lequel est patent depuis toujours dans les

женные им кавычки. Похоже, что смысловой оттенок этот только и вводится для того, чтобы не оказаться, паче чаяния, на улице – я хотел сказать, – на диване.

В результате в седле оказываются те стремящиеся стать вхожими в «круги» (пусть даже в кавычках) аналитики, которые, пренебрегая «переходом» в моем смысле, заменяют его формальными степенями, блеск которых обеспечит место в этих кругах тем, кто в связях своих бывает куда расторопнее, чем во врачебной практике.

И я покажу вам сейчас, почему именно подобная практика оказывается в психотерапии господствующей.

Говоря о бессознательном, в структуре, точнее, в языке можно выделить две стороны, два русла.

Нет структуры, которая не шла бы от языка

Во-первых, русло смысла – оно-то и является, казалось бы, руслом психоанализа, источающего смысл, который держит судно нашей сексуальности на плаву.

Поразительно однако, что смысл этот сводится к бессмыслице – к той бессмыслице сексуальных отношений, которая

«Сексуальных отношений не существует»

dits de l'amour. Patent au point d'être hurlant: ce qui donne une haute idée de l'humaine pensée.

Encore y a-t-il du sens qui se fait prendre pour le bon sens, qui par-dessus le marché se tient pour le sens commun. C'est le sommet du comique, à ceci près que le comique ne va pas sans le savoir du non-rapport qui est dans le coup, le coup du sexe. D'où notre dignité prend son relais, voire sa relève.

Le bon sens représente la suggestion, la comédie le rire. Est-ce à dire qu'ils suffisent, outre qu'ils soient peu compatibles? C'est là que la psychothérapie, quelle qu'elle soit, tourne court, non qu'elle n'exerce pas quelque bien, mais qui ramène au pire.

D'où l'inconscient, soit l'insistance dont se manifeste le désir, ou encore la répétition de ce qui s'y demande, — n'est-ce pas là ce
$d \to (\$ \diamond D)$ qu'en dit Freud du moment même qu'il le découvre?

d'où l'inconscient, si la structure qui se

испокон веку во весь голос заявляет о себе в любовных речах. Заявляет завывая, что позволяет составить о человеческой мысли поистине высокое мнение.

Имеется и другой смысл – этот выдает себя за здравый смысл, да еще в смысле «общего мнения». Комичнее некуда – только вот комическому непременно сопутствует знание о том отсутствии отношения, которое в нем, в сексуальном поведении, заложено. Здесь-то достоинство наше и находит себе замену, отслужив свою смену.

Здравый смысл являет собой внушение, комедия – смех. Значит ли это, что ими можно довольствоваться, – не говоря уже о том, что они вообще плохо совместимы? Именно здесь психотерапия дает осечку – не то чтобы она вообще не была во благо, но оборачивается-то благо это в итоге кое-чем куда худшим.

Вследствие чего бессознательное, то есть та настоятельность, с которой заявляет о себе желание, повторение того, что в нем себя вопрошает (разве не это говорит о $d \to (\$ \diamond D)$
нем Фрейд с самого начала, с момента его открытия?), вследствие чего бессоз-

reconnaît de faire le langage dans lalangue, comme je le dis, le commande bien,

nous rappelle qu'au versant du sens qui dans la parole nous fascine — moyennant quoi à cette parole l'être fait écran, cet être dont Parménide imagine la pensée —,

nous rappelle qu'au versant du sens, je conclus, l'étude du langage oppose le versant du signe.

Comment même le symptôme, ce qu'on appelle tel dans l'analyse, n'a-t-il pas là tracé la voie? Cela jusqu'à Freud qu'il a fallu pour que, docile à l'hystérique, il en vienne à lire les rêves, les lapsus, voire les mots d'esprit, comme on déchiffre un message chiffré.

— Prouvez que c'est bien là ce que dit Freud, et tout ce qu'il dit.

— Qu'on aille aux textes de Freud répartis sur ces trois chefs — les titres en sont

нательное, при условии, что структура, которая делает из того, что называю я *йазыком*, язык и тем самым опознает себя, действительно велит это, напоминает нам, что русло смысла, которое завораживает нас в речи – благодаря чему речь эта заслоняется бытием, тем бытием, мысль о котором носится в воображении Парменида, – напоминает нам – завершаю я свою мысль, – что руслу смысла изучение языка противополагает иное русло – русло знака.

Как могло случиться, что даже симптом, или то, что в анализе называется этим словом, не оказался здесь путеводной нитью? Что пришлось ждать, пока Фрейд, послушно выслушав истерическую больную, не принялся читать ее сны, оговорки и шутки точно таким же образом, как читают, расшифровывая, закодированное послание?

Можете ли Вы доказать, что Фрейд говорит именно это, и что именно к этому то, что он говорит, сводится?

Достаточно обратиться к текстам Фрейда, по этим трем рубрикам распределен-

maintenant triviaux —, pour s'apercevoir qu'il ne s'agit de rien d'autre que d'un déchiffrage de dit-mension signifiante pure.

A savoir que l'un de ces phénomènes est naïvement articulé: articulé veut dire verbalisé, naïvement selon la logique vulgaire, l'emploi de lalangue simplement reçu.

Puis que c'est à progresser dans un tissu d'équivoques, de métaphores, de métonymies, que Freud évoque une substance, un mythe fluidique qu'il intitule de la *libido.*

La pratique de Freud

Mais ce qu'il opère réellement, là sous nos yeux fixés au texte, c'est une traduction dont se démontre que la jouissance que Freud suppose au terme de processus primaire, c'est dans les défilés logiques où il nous mène avec tant d'art qu'elle consiste proprement.

Il n'est que de distinguer, ce à quoi était

ным, – заглавия их сейчас широко известны, – чтобы выяснить, что речь в них идет не о чем ином, как о расшифровке означающего сказ-мерения в чистом виде.

Другими словами, что одно из этих явлений артикулировано, то есть вербализовано, вполне бесхитростным образом – в соответствии с той вульгарной логикой, которая не ставит употребление йазыка под сомнение.

И что, продолжая углубляться в сложную ткань двусмысленностей, метафор и метонимий, Фрейд начинает говорить о некоей субстанции, некоей зыбкой мифологеме, получившей у него название *либидо*.

Фрейдовская практика

Но то, что он реально, на глазах у нас, сосредоточенно вчитывающихся в его текст, проделывает, есть не что иное, как перевод – перевод, из которого явствует, что наслаждение, которым завершается, по его предположению, первичный процесс, состоит, собственно говоря, в тех логических маневрах, которые он с таким искусством заставляет нас совершить.

Достаточно провести различие, к которо-

parvenue dès longtemps la sagesse stoïcienne, le signifiant du signifié (pour en traduire les noms latins comme Saussure), et l'on saisit l'apparence là de phénomènes

$\frac{S}{s}$

d'équivalence dont on comprend qu'ils aient à Freud pu figurer l'appareil de l'énergétique.

Il y a un effort de pensée à faire pour que s'en fonde la linguistique. De son objet, le signifiant. Pas un linguiste qui ne s'attache à le détacher comme tel, et du sens notamment.

J'ai parlé de versant du signe pour en marquer l'association au signifiant. Mais le signifiant en diffère en ceci que la batterie s'en donne déjà dans lalangue.

Parler de code ne convient pas, justement de supposer un sens.

Lalangue est la condition du sense

La batterie signifiante de lalangue ne fournit que le chiffre du sens. Chaque mot y prend selon le contexte une gamme énorme,

му стоическая мудрость пришла еще в древности, – различие, которое, переводя латинские термины на язык Соссюра, описываем мы как различие между означающим и означаемым – чтобы с очевидностью усмотреть явления эквивалентности, которые, понятное дело, и смогли оформить представления Фрейда о механизме энергетики.

$\frac{S}{s}$

Необходимо еще одно усилие мысли, чтобы положить это различие в основу лингвистики. Утвердив ее тем самым на собственном ее предмете – на означающем. Нет ни одного лингвиста, который не положил бы предельной свой задачей выделение означающего как такового – в первую очередь путем отделения его от смысла.

Я говорю с вами о русле знака, чтобы обозначить связь его с означающим. Но означающее отличается от знака тем, что вся батарея его заранее дана в йазыке.

Говорить о коде не годится – именно потому что тем самым предполагается уже некий смысл.

Йазык есть условие смысла

Означающая батарея йазыка дает нам в распоряжение лишь шифр смысла. Каждое слово принимает в нем в зависимо-

disparate, de sens, sens dont l'hétéroclite s'atteste souvent au dictionnaire.

Ce n'est pas moins vrai pour des membres entiers de phrases organisées. Telle cette phrase: les non-dupes errent, dont je m'arme cette année.

Sans doute la grammaire y fait-elle butée de l'écriture, et pour autant témoigne-t-elle d'un réel, mais d'un réel, on le sait, qui reste énigme, tant qu'à l'analyse n'en saille pas le ressort pseudo-sexuel: soit le réel qui, de ne pouvoir que mentir au partenaire, s'inscrit de névrose, de perversion ou de psychose.

L'objet (a)

«Je ne l'aime pas», nous apprend Freud, va loin dans la série à s'y répercuter.

En fait, c'est de ce que tout signifiant, du phonème à la phrase, puisse servir de message chiffré (personnel, disait la radio pendant la guerre) qu'il se dégage comme

сти от контекста широчайшую и бессвязную гамму смыслов, разношерстность которых в большинстве случаев удостоверяется словарем.

То же верно порою и для целых фразовых словосочетаний. Такова, например, фраза “*les non-dupes errent*”*, которую взял я на вооружение в этом году.

Ясно, что письмо упирается здесь в грамматику, которая и свидетельствует поэтому о Реальном, но о Реальном, которое так и остается, как известно, загадкой, пока не вырисовываются рельефно в анализе псевдо-сексуальные его пружины, – Реальном, иными словами, которое, будучи способно по отношению к партнеру лишь на обман, вписывается в общую картину в качестве невроза, перверсии или психоза. *объект (а)*

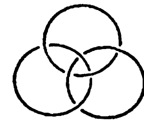
Благодаря Фрейду мы знаем, что фраза «я ее не люблю» разворачивается в целую серию отголосков.

На самом деле именно способность любого означающего, от фонемы до фразы, послужить в качестве зашифрованного («персонального», как говорили по радио во время войны) послания и позволяет ему выступать в качестве самостоя-

Suffit-il d'un signifiant pour fonder le signifiant Un?

objet et qu'on découvre que c'est lui qui fait que dans le monde, le monde de l'être parlant, il y a de l'Un, c'est-à-dire de l'élément, le στοιχεῖον du grec.

Ce que Freud découvre dans l'inconscient, je n'ai tout à l'heure pu qu'inviter à ce qu'on aille voir dans ses écrits si je dis juste, c'est bien autre chose que de s'apercevoir qu'en gros on peut donner un sens sexuel à tout ce qu'on sait, pour la raison que connaître prête à la métaphore bien connue de toujours (versant de sens que Jung exploita). C'est le réel qui permet de dénouer effectivement ce dont le symptôme consiste, à savoir un noeud de signifiants. Nouer et dénouer n'étant pas ici des métaphores, mais bien à prendre comme ces noeuds qui se construisent réellement à faire chaîne de la matière signifiante.

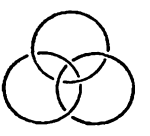

Car ces chaînes ne sont pas de sens mais de jouis-sens, à écrire comme vous voulez

тельного объекта; именно эта способность и обнаруживает, что не что иное, как означающее ответственно за то, что в мире, в мире говорящего существа, имеется что-то наподобие Единого, или элемента, – того, что греки называли στοιχεῖον.

Достаточно ли одного означающего, чтобы обосновать означающее "Единое"?

То, что обнаружил в бессознательном Фрейд, – и я не нашел в данный момент ничего лучшего, как призвать обратиться к самим текстам его, чтобы в моей правоте убедиться, – не имеет ничего общего с наблюдением, будто всему, что мы знаем, можно, ссылаясь на испокон веку присущее глаголу «познать» метафорическое значение (вот оно, русло смысла, которое эксплуатировал Юнг!), придать в общем и целом сексуальный смысл. Только Реальное позволяет действительно развязать тот узел, из которого состоит симптом, – узел означающих. Глаголы *вязать* и *развязывать* не следует здесь воспринимать как метафоры – я говорю о тех узлах, что реально сплетаются в цепочку означающей материи.

Ибо цепочки эти суть не цепочки смысла, а цепочки блажи, блаженства, наслаждения – говорите как хотите,

conformément à l'équivoque qui fait la loi du signifiant.

Je pense avoir donné une autre portée que ce qui traîne de confusion courante, au recours qualifié de la psychanalyse.

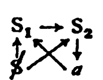
пользуясь той двусмысленностью, которая и является для означающего законом.

Я полагаю, что средству, по праву именуемому психоанализом, мне удалось придать, вопреки царящей в нем сегодня неразберихе, новую значимость.

III

— Les psychologues, les psychothérapeutes, les psychiatres, tous les travailleurs de la santé mentale — c'est à la base, et à la dure, qu'ils se coltinent toute la misère du monde. Et l'analyste, pendant ce temps?

— Il est certain que se coltiner la misère, comme vous dites, c'est entrer dans le discours qui la conditionne, ne serait-ce qu'au titre d'y protester.

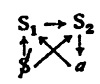

Rien que dire ceci, me donne position —

III

Психологи, психотерапевты, психиатры, другие работники, занятые в сфере охраны психического здоровья, – люди эти всерьез, без всяких поблажек взвалили на свои плечи все страдание и убожество мира. Чем же занят тем временем психоаналитик?

Совершенно ясно, что взвалить на свои плечи, как выразились Вы, страдание и убожество, значит включиться тем самым в дискурс, который их обусловливает, даже если делается это исключительно для того, чтобы выразить против них свой протест.

Уже одно то, что я это говорю, задает для

que certains situeront de réprouver la politique. Ce que, quant à moi, je tiens pour quiconque exclu.

Au reste les psycho — quels qu'ils soient, qui s'emploient à votre supposé coltinage, n'ont pas à protester, mais à collaborer. Qu'ils le sachent ou pas, c'est ce qu'ils font.

C'est bien commode, me fais-je rétorsion trop facile, bien commode cette idée de discours, pour réduire le jugement à ce qui le détermine. Ce qui me frappe, c'est qu'en fait on ne trouve pas mieux à m'opposer, on dit: intellectualisme. Ce qui ne fait pas le poids, s'il s'agit de savoir qui a raison.

Ce d'autant moins qu'à rapporter cette misère au discours du capitaliste, je dénonce celui-ci.

J'indique seulement que je ne peux le faire sérieusement, parce qu'à le dénoncer je le renforce, — de le normer, soit de le perfectionner.

меня некоторую позицию, которую иные расценят как осуждение политики. Что, на мой взгляд, для кого бы то ни было совершенно исключено.

Впрочем, все занятые в сфере психиатрии люди – все те, кто несут упомянутое Вами бремя, – должны не протестовать, а сотрудничать. Что они как раз и делают, отдают они себе в том отчет или нет.

Сколь легко – возражаю я, без труда обращая доводы моих противников против них самих, – сколь легко воспользоваться идеей дискурса, чтобы свести суждение к обусловившим его обстоятельствам! Поразительно то, что лучшего возражения против меня у них не нашлось: это, мол, интеллектуализм! Когда нужно разобраться, кто прав, аргумент этот не имеет силы.

Тем более что, связывая это страдание и убожество с дискурсом капитализма, я как раз этот последний и разоблачаю.

Хочу, правда, заметить, что делать это всерьез я не могу – ведь разоблачая капитализм, я укрепляю его, ибо тем самым я его морализую, можно сказать, совершенствую.

J'interpole ici une remarque. Je ne fonde pas cette idée de discours sur l'ex-sistence de l'inconscient. C'est l'inconscient que j'en situe, — de n'ex-sister qu'à un discours.

Ce n'est qu'au discours analytique qu'ex-siste l'inconscient comme freudien,..

Vous l'entendez si bien qu'à ce projet dont j'ai avoué le vain essai, vous annexiez une question sur l'avenir de la psychanalyse.

L'inconscient en ex-siste d'autant plus qu'à ne s'attester en clair que dans le discours de l'hystérique, partout ailleurs il n'y en a que greffe: oui, si étonnant que cela paraisse, même dans le discours de l'analyste où ce qu'on en fait, c'est culture.

.. qu'auparavant on écoutait, mais comme autre chose.

Ici parenthèse, l'inconscient implique-t-il qu'on l'écoute? A mon sens, oui. Mais il n'implique sûrement pas sans le discours dont il ex-siste qu'on l'évalue comme savoir qui ne pense pas, ni ne calcule, ni ne juge, ce qui ne l'empêche pas de travailler (dans le

Позвольте сделать одно замечание. Я вовсе не строю свою идею дискурса на вне-существовании бессознательного. Напротив, расположение бессознательного задается для меня тем, что существует оно лишь постольку, поскольку вне-существует дискурсу.

Вы и сами прекрасно это понимаете: не случайно из замысла, в тщетном покушении осуществить который я Вам признался, вы исключили вопрос о будущем психоанализа.

Бессознательное во фрейдовском смысле существует лишь постольку, поскольку оно вне-существует аналитическому дискурсу, -

Бессознательное существует, лишь вне-существуя дискурсу, – тем более что и заявляет-то оно о себе с полной ясностью лишь в дискурсе истерика, тогда как в других местах это всего лишь прививка – даже, как ни удивительно покажется это на первый взгляд, в дискурсе аналитика, где его всего-навсего культивируют.

К слову, подразумевает ли понятие бессознательного, что его кто-то выслушивает? По-моему, да. Но помимо дискурса, которому бессознательное вне-существует, оценка его в качестве знания, которое не думает, не рассчитывает и не судит, им самим отнюдь не подразумева-

-хотя выслушивали его и прежде, но в качестве чего-то иного.

C'est un savoir qui travaille ..

sans maître: $S_2//S_1$

rêve par exemple). Disons que c'est le travailleur idéal, celui dont Marx a fait la fleur de l'économie capitaliste dans l'espoir de lui voir prendre le relais du discours du maître: ce qui est arrivé en effet, bien que sous une forme inattendue. Il y a des surprises en ces affaires de discours, c'est même là le fait de l'inconscient.

Le discours que je dis analytique, c'est le lien social déterminé par la pratique d'une analyse. Il vaut d'être porté à la hauteur des plus fondamentaux parmi les liens qui restent pour nous en activité.

— *Mais de ce qui fait lien social entre les analystes, vous êtes vous-même, n'est-ce pas, exclu...*

— La Société, — dite internationale, bien que ce soit un peu fictif, l'affaire s'étant longtemps réduite à être familiale —, je l'ai

ется – что не мешает ему (во время сна, например) работать. Это, можно сказать, и есть тот идеальный работник, которого Маркс представляет эдаким венцом капиталистической экономики – в надежде, что он возьмет на себя дискурс господина, как это, хотя и в самой неожиданной форме, действительно и произошло. Там, где речь идет о дискурсе, нередко имеют место сюрпризы – больше того, в этом-то бессознательное и дает как раз о себе знать.

Это знание, которое работает

...без господина: $S_2//S_1$

Дискурс, именуемый мною аналитическим, – это не что иное, как обусловленный практикой анализа вид социальных связей. Среди тех связей, что остаются в нашем обществе действенными, он по достоинству может расцениваться как одна из самых фундаментальных.

Однако из системы, в которой общественные связи между аналитиками реализуются, сами-то Вы как раз и исключены – разве не так?

Что касается "Общества" – якобы международного, хотя все это немного притянуто за уши, так как дела давно реша-

4 Заказ № 3484

connue encore aux mains de la descendance directe et adoptive de Freud: si j'osais — mais je préviens qu'ici je suis juge et partie, donc partisan —, je dirais que c'est actuellement une société d'assistance mutuelle contre le discours analytique. La SAMCDA.

Sacrée SAMCDA!

Ils ne veulent donc rien savoir du discours qui les conditionne. Mais ça ne les en exclut pas: bien loin de là, puisqu'ils fonctionnent comme analystes, ce qui veut dire qu'il y a des gens qui s'analysent *avec* eux.

A ce discours donc, ils satisfont, même si certains de ses effets sont par eux méconnus. Dans l'ensemble la prudence ne leur manque pas; et même si ce n'est pas la vraie, ça peut être la bonne.

Au reste, c'est pour eux qu'il y a des

ются в семейном кругу, – то я хорошо знал его еще тогда, когда оно было в руках прямого и приемного потомства Фрейда; если позволите – хотя должен предупредить, что я выступаю при этом и как судья, и как одна из тяжущихся сторон, а следовательно, сторонник, – то я сказал бы, что в настоящее время оно превратилось в “Общество Взаимной Защиты от Аналитического Дискурса”, ОВЗоАД.

Черт ОВЗоАД!

Они, видите ли, знать не желают того самого дискурса, которым само их существование обусловлено. Но это обстоятельство отнюдь не исключает их из аналитического дискурса, так как функции аналитиков они выполняют, то есть существуют люди, которые осуществляют собственный анализ *вместе с ними*.

Требованиям этого дискурса они, следовательно, удовлетворяют, хотя и пребывают в заблуждении относительно некоторых его последствий. Благоразумие, в целом, не покидает их – даже не будучи истинным, оно, возможно, идет им на пользу.

К тому же если кто чем и рискует, так

risques.

Venons-en donc au psychanalyste et n'y allons pas par quatre chemins. Ils nous mèneraient tous aussi bien là où je vais dire.

C'est qu'on ne saurait mieux le situer objectivement que de ce qui dans le passé s'est appelé: être un saint.

Un saint durant sa vie n'impose pas le respect que lui vaut parfois une auréole.

Personne ne le remarque quand il suit la voie de Baltasar Graciàn, celle de ne pas faire d'éclats, — d'où Amelot de la Houssaye a cru qu'il écrivait de l'homme de cour.

L'objet (a) incarné

Un saint, pour me faire comprendre, ne fait pas la charité. Plutôt se met-il à faire le déchet: il décharite. Ce pour réaliser ce que la structure impose, à savoir permettre au sujet, au sujet de l'inconscient, de le prendre pour cause de son désir.

это они сами.

Вернемся, однако, к вопросу о психоаналитике. Не стоит ходить вокруг да около – все равно мы рано или поздно придем к тому самому, что я сейчас хочу вам сказать.

Дело в том, что с точки зрения объективной лучше всего его позицию можно было бы определить исходя из того, что называлось некогда "быть святым".

При жизни святой отнюдь не внушает уважения, доставляемого порой ореолом святости.

Никто не замечает его, ибо следует он правилу Бальтазара Грасиана: не бросаться в глаза – тому самому, что ввело в заблуждение Амело де ла Уссэ, решившего, будто пишет Грасиан о придворном.

Объект(а) во плоти

Хочу объяснить: святой не творит милости, не делает ничего на потребу. Скорее он становится сам отребьем, он непотребствует. Пытаясь тем самым осуществить то, чего требует сама структура, – позволить субъекту, субъекту бессознательного, принять его за причину своего желания.

C'est de l'abjection de cette cause en effet que le sujet en question a chance de se repérer au moins dans la structure. Pour le saint ça n'est pas drôle, mais j'imagine que, pour quelques oreilles à cette télé, ça recoupe bien des étrangères des faits de saint.

Que ça ait effet de jouissance, qui n'en a le sens avec le joui? Il n'y a que le saint qui reste sec, macache pour lui. C'est même ce qui épate le plus dans l'affaire. Épate ceux qui s'en approchent et ne s'y trompent pas: le saint est le rebut de la jouissance.

Parfois pourtant a-t-il un relais, dont il ne se contente pas plus que tout le monde. Il jouit. Il n'opère plus pendant ce temps-là. Ce n'est pas que les petits malins ne le guettent alors pour en tirer des conséquences à se regonfler eux-mêmes. Mais le saint s'en fout, autant que de ceux qui voient là sa récompense. Ce qui est à se tordre.

Собственно, именно омерзительность этой причины и дает пресловутому субъекту возможность в структуре, по меньшей мере, сориентироваться. Для самого святого все это не так уж весело, но, насколько я представляю себе, для некоторых телезрителей сказанное мною в странную картину существования святых прекрасно вписывается.

Что следствием этого является наслаждение – кто знанию сему и сладости сей непричастен? И лишь святой остается ни с чем, с пустыми руками. Именно это в первую очередь и поражает. Поражает тех, кто присматривается и воочию убеждается: святой – это отброс наслаждения.

Порою, однако, бывают и у него передышки, которыми он, как и весь мир, скромно довольствуется. Он наслаждается. На это время он упраздняется. Конечно, лукавые недоброжелатели подстерегают его, чтобы извлечь из этого повод покрасоваться самим, – не без этого. Но святому на это наплевать, как наплевать ему и на тех, кто воображает, будто в наслаждении этом его награда и состоит. Что, разумеется, просто смешно.

Puisque se foutre aussi de la justice distributive, c'est de là que souvent il est parti.

A la vérité le saint ne se croit pas de mérites, ce qui ne veut pas dire qu'il n'ait pas de morale. Le seul ennui pour les autres, c'est qu'on ne voit pas où ça le conduit.

Moi, je cogite éperdument pour qu'il y en ait de nouveaux comme ça. C'est sans doute de ne pas moi-même y atteindre.

Plus on est de saints, plus on rit, c'est mon principe, voire la sortie du discours capitaliste, — ce qui ne constituera pas un progrès, si c'est seulement pour certains.

Ибо на справедливость распределения ему тоже наплевать – именно с этого безразличия все для него часто и начинается.

На самом деле святой не видит за собой никаких заслуг, что не означает отсутствия у него всякой морали. Окружающим досадно одно: они не видят, к чему это все может его привести.

Что касается меня, то я мыслю до умоисступления, ради того чтобы подобные им появились вновь. Наверное оттого что мне не удалось достичь этого самому.

Чем больше святых, тем больше люди смеются – вот мой принцип. Больше того, это и есть выход из дискурса капиталиста – что большим достижением отнюдь не станет, разве что для некоторых.

IV

— *Depuis vingt ans que vous avez avancé votre formule, que l'inconscient est structuré comme un langage, on vous oppose, sous des formes diverses: «Ce ne sont là que — des mots, des mots, des mots. Et de ce qui ne s'embarrasse pas de mots, qu'en faites-vous?* Quid *de l'énergie psychique, ou de l'affect, ou de la pulsion?»*

— Vous imitez là les gestes avec lesquels on feint un air de patrimoine dans la SAMCDA.

Parce que, vous le savez, au moins à Paris dans la SAMCDA, les seuls éléments

IV

Прошло двадцать лет с тех пор, как Вы впервые сказали, что бессознательное структурировано как язык, и все эти годы Вам возражают в разных формах одно и то же: «Все это лишь слова, слова, слова. А как быть с тем, что себя словами не обременяет, – с quid *психической энергии, аффектом, влечением?»*

Вы подражаете здесь тем жестам, которыми они, в ОВЗоАДе, внушают вам, будто вы имеете дело с фамильным их достоянием.

Ибо Вы, конечно, прекрасно знаете, что, по меньшей мере в Париже, они, в

dont on se sustente proviennent de mon enseignement. Il filtre de partout, c'est un vent, qui fait bise quand ça souffle trop fort. Alors on revient aux vieux gestes, on se réchauffe à se pelotonner en Congrès.

Parce que ce n'est pas un pied-de-nez que je sors comme ça aujourd'hui, histoire de faire rire à la télé, la SAMCDA. C'est expressément à ce titre que Freud a conçu l'organisation à quoi ce discours analytique, il le léguait. Il savait que l'épreuve en serait dure, l'expérience de ses premiers suivants l'avait là-dessus édifié.

— *Prenons d'abord la question de l'énergie naturelle.*

L'énergie naturelle, ça fait ballon pour exercices à démontrer que là aussi on a des idées. L'énergie, — c'est vous qui lui mettez la banderole de naturelle, parce que dans ce qu'ils disent, ça va de soi que c'est naturel: quelque chose de fait pour la dépen-

ОВЗоАДе, питаются лишь тем, что им доставляет мое учение. Оно просачивается отовсюду, оно подобно сильному ветру, который приносит с собой прохладу. Тогда-то и повторяют они старые жесты, сбиваясь потеснее в конгресс, чтобы согреться.

Ибо, говоря сегодня об ОВЗоАДе, я делаю это вовсе не на потеху телезрителям и не из желания кому-то показать нос. Не в качестве посмешища задумана была Фрейдом организация, которой сам он аналитический дискурс завещал. Фрейд прекрасно знал, что испытание этим дискурсом будет суровым, – опыт первых его последователей послужил ему хорошим уроком.

Возьмем для начала вопрос о естественной энергии.

Естественная энергия – это такой мячик, с которым удобно упражняться, доказывая, что у тебя тоже на сей счет есть что сказать. Энергия – вы сами наклеиваете ей ярлычок естественной, потому что для них то, что она естественная, разумеется само собой, – создана для того, чтобы ее

se, en tant qu'un barrage peut le retenir et le rendre utile. Seulement voilà, ce n'est pas parce que le barrage, ça fait décor dans un paysage, que c'est naturel, l'énergie.

Le mythe libidinal

Qu'une «force de vie» puisse constituer ce qui s'y dépense, c'est une grossière métaphore. Parce que l'énergie n'est pas une substance, qui par exemple se bonifie ou qui devient aigre en vieillissant —, c'est une constante numérique qu'il faut au physicien trouver dans ses calculs, pour pouvoir travailler.

Travailler de façon conforme à ce qui, de Galilée à Newton, s'est fomenté d'une dynamique purement mécanique: à ce qui fait le noyau de ce qu'on appelle plus ou moins proprement une physique, strictement vérifiable.

Sans cette constante qui n'est rien de plus qu'une combinaison de calcul, — plus de physique. On pense que les physiciens en prennent soin et qu'ils arrangent les équivalences entre masses, champs et impulsions pour qu'un chiffre puisse en sortir qui satisfasse au principe de la conser-

расходовали, по мере того как запруда, стоящая на ее пути, направляет ее в полезное русло. Беда лишь в том, что естественной ее можно назвать разве что постольку, поскольку наша плотина вписывается в окружающую картину.

Миф о либидо

Говоря, будто расходуется при этом некая «жизненная сила», мы прибегаем к грубой метафоре. Ибо энергия – это не вещество, которое со временем облагораживается или скисает, а постоянная числовая величина, которую должен рассчитать физик, чтобы делать свою работу.

Делать в соответствии с той чисто механической динамикой, которая успела сложиться в эпоху от Галилея до Ньютона, – той самой, которая до сих пор лежит в основе того, что с большим или меньшим на то правом именуют физикой, дисциплиной строго верифицируемой.

Без этой постоянной величины, представляющей собой не более чем комбинацию вычислений, физика просто не существует. Считается, что об этом заботятся сами физики, чьи уравнения связывают массы, поля и импульсы таким образом, что числовой результат их удовле-

vation de l'énergie. Encore faut-il que ce principe on puisse le poser, pour qu'une physique satisfasse à l'exigence d'être vérifiable: c'est un fait d'expérience mentale, comme s'exprimait Galilée. Ou, pour mieux dire: la condition que le système soit mathématiquement fermé prévaut même sur la supposition qu'il soit physiquement isolé.

Ce n'est pas de mon cru, cela. N'importe quel physicien sait de façon claire, c'est-à - dire prête à se dire, que l'énergie n'est rien que le chiffre d'une constance.

Or ce qu'articule comme processus primaire Freud dans l'inconscient — ça, c'est de moi, mais qu'on y aille et on le verra —, ce n'est pas quelque chose qui se chiffre, mais qui se déchiffre. Je dis: la jouissance elle-même. Auquel cas elle ne fait pas énergie, et ne saurait s'inscrire comme telle.

Pas moyen d'établir une énergétique de la jouissance.

Les schémas de la seconde topique par où Freud s'y essaie, le célèbre œuf de poule par exemple, sont un véritable pudendum et

творяет принципу сохранения энергии. Но ведь для того, чтобы формула удовлетворяла требованию верифицируемости, необходимо, чтобы принцип этот можно было заранее сформулировать, – а это, по выражению Галилея, факт ментального опыта. Другими словами, требование математической замкнутости системы имеет вес даже больший, нежели предположение о ее физической изоляции.

Все это придумал не я. Любой физик ясно отдает себе отчет, то есть с готовностью признается себе, в том, что энергия есть лишь цифровое, шифрованное выражение постоянства.

Что же касается того, что вычленяет в качестве первичного процесса в бессознательном Фрейд, – это уже я говорю, но каждый может пойти и убедиться сам, – то это нечто такое, что не столько шифруется, сколько, наоборот, расшифровывается. И я утверждаю: это не что иное, как само наслаждение. Но тогда оно не представляет собой энергии и в качестве таковой никуда не вписывается.

Энергетика наслаждения не поддается обоснованию

Схемы второй топики, с помощью которых Фрейд пытается эту задачу решить, – знаменитое куриное яйцо напри-

5 Заказ № 3484

prêteraient à l'analyse, si l'on analysait le Père. Or je tiens pour exclu qu'on analyse le Père réel, et pour meilleur le manteau de Noé quand le Père est imaginaire.

De sorte que plutôt m'interrogé-je sur ce qui distingue le discours scientifique du discours hystérique où, il faut le dire, Freud, à recueillir son miel, n'y est pas pour rien. Car ce qu'il invente, c'est le travail des abeilles comme ne pensant, ne calculant, ne jugeant pas, soit ce qu'ici même j'ai relevé déjà, — quand après tout ce n'est peut-être pas là ce qu'en pense von Frisch.

Je conclus que le discours scientifique et le discours hystérique ont *presque* la même structure, ce qui explique l'erreur que Freud nous suggère de l'espoir d'une thermodynamique dont l'inconscient trouverait dans l'avenir de la science sa posthume explication.

On peut dire qu'après trois quarts de

мер – это поистине *pudendum*, и давали бы повод для анализа, если бы Отец вообще анализу подлежал. Я лично считаю, что анализ реального Отца исключен, а для Отца воображаемого наилучшим решением является плащ Ноя.

Так что полезнее будет задаться вопросом о том, чем отличается научный дискурс от дискурса истерического, в котором Фрейд, надо сказать, судя по меду, на этой пасеке им собранному, был знатоком весьма искушенным. Ведь то, что он придумал, это как раз и есть своего рода работа пчел, работа существ не думающих, не рассчитывающих, не выносящих суждений – то самое, о чем я здесь уже говорил. Хотя не исключено, конечно, что фон Фриш думает об этом совсем иначе.

Напрашивается вывод, что научный дискурс и дискурс истерический имеют *почти* одну и ту же структуру, что и объясняет заблуждение, которое пытается Фрейд внушить и нам, – его надежду на термодинамику, где бессознательное нашло бы в научном будущем свое посмертное обоснование.

На сегодня можно утверждать, что

siècle il ne se dessine pas la plus petite indication d'une telle promesse, et même que l'idée recule de faire endosser le processus primaire par le principe qui, à se dire du plaisir, ne démontrerait rien, sinon que nous tenons à l'âme comme la tique à la peau d'un chien. Car cette fameuse moindre tension dont Freud articule le plaisir, qu'est-ce d'autre que l'éthique d'Aristote?

Le Bien-dire ne dit pas où est le Bien.

Ce ne peut être le même hédonisme que celui dont les épicuriens se faisaient enseigne. Il fallait qu'ils eussent quelque chose de bien précieux à en abriter, de plus secret même que les stoïciens, pour de cette enseigne qui ne voudrait dire maintenant que psychisme, se faire injurier du nom de pourceaux.

Quoi qu'il en soit, je m'en suis tenu à Nicomaque et à Eudème, soit à Aristote, pour en différencier vigoureusement l'éthique de la psychanalyse, — dont je frayai

спустя три четверти века ни малейшего признака, что обещание это окажется выполнено, не вырисовывается; больше того, мы далеки стали от мысли положить в основу первичного процесса принцип, который, именуясь принципом удовольствия, ничего ровным счетом не доказывал бы – разве лишь то, что от души, в которую впились мы, как блохи в собачье пузо, нам так и не оторваться. Ибо знаменитое наименьшее напряжение, с помощью которого выводит Фрейд определение удовольствия, – что это, если не этика Аристотеля?

Благоискусное слово не скажет, где находится Благо.

Это ни в коем случае не тот гедонизм, что сделали своим знаменем эпикурейцы. У тех обязательно должно было оставаться за душой нечто драгоценное, еще более потаенное, чем у стоиков, что они от своего гедонизма оберегали, – недаром же ради этого знамени, за которым сейчас не стоит ничего, кроме психики, терпели они оскорбления, позволяя называть себя свиньями.

Как бы то ни было, лично я остановился на Никомахе и Эвдеме, собственно говоря, Аристотеле: именно от него отталкивался я в создании этики психоана-

la voie toute une année.

L'histoire de l'affect que je négligerais, c'est le même tabac.

Nulle harmonie de l'être dans le monde...

Qu'on me réponde seulement sur ce point: un affect, ça regarde-t-il le corps? Une décharge d'adrénaline, est-ce du corps ou pas? Que ça en dérange les fonctions, c'est vrai. Mais en quoi ça vient-il de l'âme? C'est de la pensée que ça décharge.

... s'il parle

Alors ce qui est à peser, c'est si mon idée que l'inconscient est structuré comme un langage, permet de vérifier plus sérieusement l'affect, — que celle qui s'exprime de ce que ce soit un remue-ménage dont se produit un meilleur arrangement. Car c'est ça qu'on m'oppose.

Ce que je dis de l'inconscient va-t-il ou non plus loin que d'attendre que l'affect, tel les alouettes déjà rôties, vous tombe dans le bec, adéquat? *Adaequatio,* plus bouffonne d'en remettre sur une autre bien tassée, à

лиза – этики, дорогу которой мне в течение целого года пришлось прокладывать .

История с аффектами, которые я, будто бы, игнорирую, совершенно в этом же роде.

Пусть ответят мне лишь на один вопрос: аффект, он имеет отношение к телу? Выброс адреналина – это тела касается или нет? Это нарушает его функции, я согласен. Но в каком смысле это идет от души? На самом деле адреналин выбрасывается мыслью.

Существо не находится в гармонии с миром.

Поэтому взвесить нужно прежде всего следующее: действительно ли мой взгляд, согласно которому бессознательное структурировано как язык, позволяет оценить аффект более серьезно, нежели другой, который видит во всем этом что-то вроде перестановки мебели ради вящего удобства. Ведь именно этот последний мне и противопоставляют.

если это существо говорящее

Сводится ли то, что говорю я о бессознательном, к простому ожиданию, что аффект свалится вам прямо в рот — адекватный, как поджаренная прямо в воздухе куропатка? *Adequatio* еще более смехотворное, оттого что доводит до абсурда

conjoindre cette fois *rei,* de la chose, à *affectus,* l'affect dont elle se recasera. Il a fallu arriver à notre siècle pour que des médecins produisent ça.

Je n'ai, pour moi, fait que restituer ce que Freud énonce dans un article de 1915 sur le refoulement, et dans d'autres qui y reviennent, c'est que l'affect est déplacé. Comment se jugerait ce déplacement, si ce n'est par le sujet que suppose qu'il ne vienne là pas mieux que de la représentation?

La métonymie pour le corps est de régle...

Cela, je l'explique de sa «bande» pour comme lui l'épingler, puisqu'aussi bien je dois reconnaître que j'ai affaire à la même. Seulement ai-je démontré par un recours à sa correspondance avec Fliess (de l'édition, la seule qu'on ait, de cette correspondance, expurgée) que la dite représentation, spécialement refoulée, ce n'est rien de moins que la structure et précisément en tant que liée au postulat du signifiant. Cf. lettre 52;

... car le sujet de la pensée est métaphorisé

другое, сработанное на славу, говоря на сей раз о соответствии *rei,* вещи, аффекту, *affectus,* который и делается отныне ее новым пристанищем. Нужно было дожить до нашего времени, чтобы услышать от медиков нечто подобное.

Я всего-навсего вернулся к тому, о чем Фрейд в своей посвященной вытеснению статье 1915 года, как и в других статьях, где он к этой теме обращался, заявлял сам, – а именно, что аффект смещен. Как оценило бы себя это смещение, если не посредством субъекта, наличие которого тот факт, что он является здесь лишь производным от представления, все равно так или иначе предполагает?

Метонимия является для тела правилом.

Лично я объясняю это влиянием «шайки», как называл ее Фрейд, так как сам, должен признаться, имею дело с точно такой же. Однако, обратившись к переписке с Флиссом (к письму, которое в единственном имеющемся у нас издании этой переписки оказалось опущено), я показал, что представление это, и именно представление вытесненное, есть не что иное, как структура, причем именно постольку, поскольку прямо связана с постулатом означающего. См. письмо 52

потому что субъект мысли выступает в метафорическом облике.

ce postulat y est écrit.

Dire que je néglige l'affect, pour se rengorger de le faire valoir, comment s'y tenir sans se rappeler qu'un an, le dernier de mon séjour à Sainte-Anne, je traitai de l'angoisse?

Certains savent la constellation où je lui fis place. L'émoi, l'empêchement, l'embarras, différenciés comme tels, prouvent assez que l'affect, je n'en fais pas peu de cas.

Il est vrai que de m'entendre à Sainte-Anne, c'était interdit aux analystes en formation dans la SAMCDA.

Je ne le regrette pas. J'ai affecté si bien mon monde à, cette année-là, fonder l'angoisse de l'objet qu'elle concerne — loin d'en être dépourvue, (à quoi en restent les psychologues qui n'y ont pu apporter plus que sa distinction de la peur...) —, la fonder, dis-je de cet abjet comme je désigne maintenant plutôt mon objet *(a),* qu'un de

– вы найдете там этот постулат написанным черным по белому.

Как можно настаивать на том, что я игнорирую аффект и чваниться своим вниманием к нему, когда свежо еще в памяти, как целый год, последний год моих семинаров в госпитале Святой Анны, посвятил я теме *тревоги*?

Некоторые из вас с тем созвездием, в котором я отвел ей место, уже знакомы. Различия, проведенные мной между смущением, затруднением, замешательством, убедительно говорят о том, что аффектами я отнюдь не пренебрегаю.

Да, это правда, что аналитикам, проходившим подготовку в ОВЗоАДе, запрещалось посещать мои лекции в госпитале Святой Анны.

Я об этом не сожалею. Именно в том году, объяснив тревогу исходя из предмета, с которым она связана – а вовсе не лишена его, как до сих пор считают психологи, которые кроме отличия тревоги от страха так ничего нового к ее пониманию и не добавили, – исходя, повторяю, из этого помета, как я теперь свой объект (*a*) называю, я произвел на окружающих

chez moi eut le vertige (vertige réprimé), de me laisser, tel cet objet, tomber.

Reconsidérer l'affect à partir de mes dires, reconduit en tout cas à ce qui s'en est dit de sûr.

La simple résection des passions de l'âme, comme saint Thomas nomme plus justement ces affects, la résection depuis Platon de ces passions selon le corps: tête, coeur, voire comme il dit ἐπιθυμία ou surcoeur, ne témoigne-t-elle pas déjà de ce qu'il faille pour leur abord en passer par ce corps, que je dis n'être affecté que par la structure?

J'indiquerai par quel bout se pourrait donner suite sérieuse, à entendre pour sérielle, à ce qui dans cet effet prévaut de l'inconscient.

La tristesse, par exemple, on la qualifie de dépression, à lui donner l'âme pour sup-

столь сильное впечатление, что под влиянием этого аффекта один из них, испытав головокружение (с которым ему, однако, удалось справиться), от меня как от пресловутого объекта освободился.

Если мы заново рассмотрим аффект с позиций того, что было мной о нем сказано, мы так или иначе вернемся к тому, что высказано о нем бесспорного.

Сама резекция «страстей души», как гораздо точнее именует эти аффекты Св. Фома, резекция, которая начиная с Платона следовала членению тела – голова, сердце и даже, как он выражается, ἐπιθυμία, надсердие, – разве не свидетельствует она о том, что подход к ним возможен лишь через тело, которое, я повторяю, аффицируется исключительно структурой?

Я покажу сейчас пример подхода, позволяющего извлечь серьезные выводы – я хочу сказать, целую серию выводов – из того бессознательного, что оказывается в этих производных явлениях преобладающим.

Возьмем, например, грусть – ее обычно называют депрессией, полагая носите-

port, ou la tension psychologique du philosophe Pierre Janet. Mais ce n'est pas un état d'âme, c'est simplement une faute morale, comme s'exprimait Dante, voire Spinoza: un péché, ce qui veut dire une lâcheté morale, qui ne se situe en dernier ressort que de la pensée, soit du devoir de bien dire ou de s'y retrouver dans l'inconscient, dans la structure.

Il n'est éthique que du Bien-dire,...

Et ce qui s'ensuit pour peu que cette lâcheté, d'être rejet de l'inconscient, aille à la psychose, c'est le retour dans le réel de ce qui est rejeté, du langage; c'est l'excitation maniaque par quoi ce retour se fait mortel.

A l'opposé de la tristesse, il y a le gay sçavoir lequel est, lui, une vertu. Une vertu n'absout personne du péché, — originel comme chacun sait. La vertu que je désigne du gay sçavoir en est l'exemple, de manifester en quoi elle consiste: non pas comprendre, piquer dans le sens, mais le raser d'aussi près qu'il se peut sans qu'il

лем ее либо душу, либо психологическое напряжение в духе философа Пьера Жане. Но ведь это вовсе не состояние души, это просто-напросто моральный изъян, или, как выражался Данте, да и Спиноза тоже, грех, то есть нравственная трусость, существующая, по сути дела, в координатах мысли, иначе говоря, долга говорить искусно, найдя тем самым свое место в бессознательном, внутри структуры.

Есть лишь одна этика – этика искусного слова.

Но стоит этой трусости, оборачивающейся отвержением бессознательного, сделать шаг к психозу, как немедленно следует возвращение того, что было отвергнуто, языка, в реальное; тут-то и возникает маниакальное возбуждение, в силу которого подобный возврат смертелен.

На полюсе, грусти противоположном, лежит «веселое знание» – оно представляет собой добродетель. Добродетель никому грех не отпустит – он, как известно, первороден. Добродетель, которую я именую «веселым знанием», является тому примером, явственно обнаруживая, что состоит она не в том, чтобы понять, нырнуть в смысл, а в том, чтобы проскользнуть к его поверхности как

... savoir que de non-sens.

fasse glu pour cette vertu, pour cela jouir du déchiffrage, ce qui implique que le gay sçavoir n'en fasse au terme que la chute, le retour au péché.

Au «rendez-vous» avec l'(a),....

Où en tout ça, ce qui fait bon heur? Exactement partout. Le sujet est heureux. C'est même sa définition puisqu'il ne peut rien devoir qu'à l'heur, à la fortune autrement dit, et que tout heur lui est bon pour ce qui le maintient, soit pour qu'il se répète.

L'étonnant n'est pas qu'il soit heureux sans soupçonner ce qui l'y réduit, sa dépendance de la structure, c'est qu'il prenne idée de la béatitude, une idée qui va assez loin pour qu'il s'en sente exilé.

Heureusement que là nous avons le poète pour vendre la mèche: Dante que je viens de citer, et d'autres, hors les roulures de ceux qui font cagnotte au classicisme.

... si c'est jouissance de femme,...

Un regard, celui de Béatrice, soit trois fois rien, un battement de paupières et le déchet exquis qui en résulte: et voilà surgi l'Autre que nous ne devons identifier qu'à

можно ближе, но не слипаясь с ним и испытывая поэтому наслаждение от расшифровки, откуда следует, что для «веселого знания» смысл, в конечном счете, оборачивается грехопадением.

и одно знание – знание бессмыслицы.

Где же во всем этом то, что составляет счастье? Да везде. Субъект счастлив. Больше того – это и есть его определение, ибо он не может никому быть обязан ничем, кроме часа, другими словами – счастья, фортуны, и всякий час благоприятствует тому, что хранит его, то есть тому, чтобы он повторял себя.

На "свидании" с (а).

Удивительно не то, что он счастлив, не подозревая о том, что́ его к этому приводит, то есть о зависимости своей от структуры, а то, что у него возникает идея блаженства – идея, заходящая настолько далеко, что он чувствует себя из этого рая изгнанным.

К счастью, нашелся поэт, который нам секрет выболтал, – Данте, которого я уже здесь цитировал, да и другие с ним – не чета тем, кто живет жалкими перепевами классики.

Взгляд, взгляд Беатриче, трижды ничто, ресничный взмах и изысканное отребье в итоге: глядь, и возник Другой, в ко-

если это наслаждение женщины.

sa jouissance à elle, celle que lui, Dante, ne peut satisfaire, puisque d'elle il ne peut avoir que ce regard, que cet objet, mais dont il nous énonce que Dieu la comble; c'est même de sa bouche à elle qu'il nous provoque à en recevoir l'assurance.

... l'Autre prend ex-sistence,...

A quoi répond en nous: ennui. Mot dont, à faire danser les lettres comme au cinématographe jusqu'à ce qu'elles se replacent sur une ligne, j'ai recomposé le terme: unien. Dont je désigne l'identification de l'Autre à l'Un. Je dis: l'Un mystique dont l'autre comique, à faire éminence dans le Banquet de Platon, Aristophane pour le nommer, nous donne le cru équivalent dans la bête-à-deux-dos dont il impute à Jupiter qui n'en peut mais, la bisection: c'est très vilain, j'ai déjà dit que ça ne se fait pas. On ne commet pas le Père réel dans de telles inconvenances.

... mais non pas substance d'Un.

Reste que Freud y choit aussi: car ce qu'il impute à l'Eros, en tant qu'il l'oppose à Thanatos, comme principe de «la vie», c'est

Car «rien n'est tout» aux défilés du signifiant,...

тором непозволительно не узнать как раз ее наслаждение – наслаждение той, кого он, Данте, удовлетворить не может, ибо, кроме взгляда, этого объекта, ничего от нее получить не в силах, но кого сполна, по его словам, утешает Бог (больше того, уверения в этом получаем мы – так уж устраивает поэт – из собственных ее уст).

...Другой обретает вне-существование.

Что не может нам не надоесть. Слово, жонглируя буквами которого, как делают это порою на киноэкране, получим что-то вроде другого слова – «единость», которым и обозначу я идентификацию Другого с Единым. Я имею в виду то мистическое Единое, которому комический другой, играющий в платоновском *Пире* столь заметную роль, – другой по имени Аристофан – находит изобретательный эквивалент в животном о двух спинах, рассечение которого вменяет он в вину бессильному поступить иначе Юпитеру – поступок, прямо скажем, гнусный: я уже говорил, что делать так не годится. Реального Отца в столь неприличные вещи не впутывают.

...но вовсе не субстанцию Единого.

Тем не менее грешен этим и Фрейд – ведь Эросу, который противопоставлен у него Танатосу в качестве принципа

Ибо «ничто не является всем» в вереницах означающих.

d'unir, comme si, à part une brève coïtération, on avait jamais vu deux corps s'unir en un.

... l'affect est discord,...

Ainsi l'affect vient-il à un corps dont le propre serait d'habiter le langage, — je me geaite ici de plumes qui se vendent mieux que les miennes —, l'affect, dis-je, de ne pas trouver de logement, pas de son goût tout au moins. On appelle ça la morosité, la mauvaise humeur aussi bien. Est-ce un péché, ça, un grain de folie, ou une vraie touche du réel?

Vous voyez que l'affect, ils auraient mieux fait, les SAMCDA, pour le moduler, de prendre mon crin-crin. Ça les aurait menés plus loin que de bayer aux corneilles.

Que vous compreniez la pulsion dans ces gestes vagues dont de mon discours on se garantit, c'est me faire la part trop belle pour que je vous en sois reconnaissant, car vous

«жизни», вменяет он именно функцию единения, словно кто-то, помимо краткого соединения в половом акте, может подобное слияние двух тел в одно засвидетельствовать!

Так и получается, что аффект, которому по природе свойственно обитать в языке, оказывается в теле (я нарочно упещряюсь здесь вороньими перьями – они нынче в большей цене, чем мои собственные) – оказывается, повторяю, оттого что не находит себе жилища, – во всяком случае, по своему вкусу. Называют это унынием, дурным настроением. Что это на самом деле – грех, сумасшедшинка, или подлинное прикосновение Реального?

аффект представляет собой нестроение.

Так что было бы куда лучше, если бы ОВЗоАД воспользовалось для того, чтобы его, этот аффект, исполнить в другой тональности, моей скрипочкой. Все было бы лучше, чем поднимать гвалт.

Толкуя влечения в туманных жестах, призванных заручиться авторитетом моего дискурса, вы оказываете моим заслугам честь слишком высокую, чтобы заслужить за это мою признательность –

le savez bien, vous qui d'une brosse impeccable avez transcrit mon XIe séminaire: qui d'autre que moi a su se risquer à en dire quoi que ce soit?

Pour la première fois, et chez vous notamment, je sentais m'écouter d'autres oreilles que moroses: soit qui n'y entendaient pas que j'Autrifiais l'Un, comme s'est ruée à le penser la personne même qui m'avait appelé au lieu qui me valait votre audience.

A lire les chapitres 6, 7, 8, 9 et 13, 14 de ce Séminaire XI, qui n'éprouve ce que l'on gagne à ne pas traduire *Trieb* par instinct, et serrant au plus près cette pulsion de l'appeler dérive, à en démonter, puis remonter, collant à Freud, la bizarrerie?

... et la pulsion dérive.

A m'y suivre, qui ne sentira la différence qu'il y a, de l'énergie, constante à chaque fois repérable de l'Un dont se constitue l'expérimental de la science, au *Drang* ou poussée de la pulsion qui, jouissance certes,

Вы сами, столь мастерски транскрибировавший мой XI-й Семинар, лучший тому свидетель: кто, как не я, сумел пойти на риск, впервые решившись о влечениях заговорить вслух?

Именно в Вашем лице впервые я нашел слушателя, который не ухитрился, уныло развесив уши, расслышать, будто я придаю Единому черты Другого – а именно в этой мысли упорствует человек, пригласивший меня туда, где я впервые был Вашего внимания удостоен.

Кто, прочтя главы 6, 7, 8, 9 и 13, 14 Семинара XI, не почувствует, как много мы выигрываем, когда, вместо того чтобы передавать немецкое *Trieb* словом «инстинкт», точно описываем влечение термином «отклонение», поверяя анализом и вновь восстанавливая, вслед за Фрейдом, его причудливость?

а влечение – отклонение, сдвиг.

Кто, следуя моему ходу мыслей, не почувствует разницу между энергией, той всякий раз поддающейся определению константой Единого, на которой построена экспериментальная составляющая современной науки, и *Drang*'ом, или порывом влечения, которое, будучи, разумеется, наслаждением, лишь от границ

ne prend que de bords corporels, — j'allais à en donner la forme mathématique, — sa permanence? Permanence qui ne consiste qu'en la quadruple instance dont chaque pulsion se soutient de coexister à trois autres. Quatre ne donne accès que d'être puissance, à la désunion à quoi il s'agit de parer, pour ceux que le sexe ne suffit pas a rendre partenaires.

Aussi ne puis-je dire ce que tu es pour moi.

Certes je n'en fais pas là l'application dont se distinguent névrose, perversion et psychose.

Je l'ai faite ailleurs: ne procédant jamais que selon les détours que l'inconscient y fait chemins à revenir sur ses pas. La phobie du petit Hans, j'ai montré que c'était ça, où il promenait Freud et son père, mais où depuis les analystes ont peur.

тела получает – я собирался как раз найти этому математическое выражение – свое постоянство? Постоянство, состоит которое лишь в четверичной инстанции, где каждое влечение сохраняется, благодаря тому что сосуществует с тремя другими. Будучи силой, четверица дает ключ к разобщению, которое желательно предотвратить, – разобщению между теми, кого пол сам по себе еще не может сделать партнерами.

Я, разумеется, не применяю ее для проведения различия между неврозом, перверсией и психозом.

Так что я не могу сказать, что ты для меня такое.

Я сделал это в другом месте, следуя повсюду тем обходным тропам, которые торит, вновь и вновь возвращаясь на круги своя, бессознательное. И фобия маленького Ганса возникла, как показал я это, именно там – там, где гулял он с Фрейдом и своим отцом и куда аналитики страшатся за ними с тех пор последовать.

V

— Il y a une rumeur qui chante: si en joint si mal, c'est qu'il y a répression sur le sexe, et, c'est la faute, premièrement à la famille, deuxièmement à la société, et particulièrement au capitalisme, La question se pose.

— Ça, c'est une question — me suis-je laissé dire, car de vos questions j'en parle —, une question qui pourrait s'entendre de votre désir de savoir comment y répondre, vous-même, à l'occasion. Soit: si elle vous était posée, par une voix plutôt que par une personne, une voix à ne se concevoir que

V

Часто приходится слышать такую песню: тому, что с наслаждением дело обстоит хило, причиной, мол, сексуальные запреты, виной которым, в свою очередь, во-первых, семья, во-вторых, общество, в-третьих, капитализм. Вот, собственно, и вопрос.

Что ж, это вопрос – позволю себе это сказать, ибо вопросы Ваши, я их обговариваю, – вопрос, в котором можно расслышать Ваше собственное желание знать, как на него могли бы, при случае, ответить Вы сами. Ответить в случае, если бы он был поставлен вам не конкретным лицом, а скорее голосом – голосом, кото-

comme provenant de la télé, une voix qui n'ex-siste pas, ce de ne rien dire, la voix pourtant, au nom de quoi, moi, je fais ex-sister cette réponse, qui est interprétation.

A le dire crûment, vous *savez* que j'ai
$\frac{a}{S_2} \to \$$ réponse à tout, moyennant quoi vous me prêtez la question: vous vous fiez au proverbe qu'on ne prête qu'au riche. Avec raison.

Qui ne sait que c'est du discours analytique que j'ai fait fortune? En quoi je suis un *self-made man.* Il y en a eu d'autres, mais pas de nos jours.

Freud n'a pas dit que le refoulement *provienne* de la répression; que (pour faire image), la castration, ce soit dû à ce que Papa, à son moutard qui se tripote la quéquette, brandisse: «On te la coupera, sur, si tu remets ça.»

Bien naturel pourtant que ça lui soit venu à

рый иначе и не представить себе, как раздающимся из телеящика, голосом, который, ничего не говоря, поэтому и не вне-существует, – голосом, тем не менее, во имя которого я и даю вне-существование следующему ответу, который представляет собой не что иное, как интерпретацию.

Вы, прямо скажем, прекрасно *знаете*, что ответ у меня есть на все, пользуясь $\frac{a}{S_2} \rightarrow \$$
чем и предлагаете мне вопрос, следуя в этом известной пословице: предлагают взаймы только богатому. И правильно делаете.

Кто не знает, что успехом своим я обязан аналитическому дискурсу? В этом смысле я, можно сказать, *self-made man*. Бывали такие и раньше, но это дело прошлое.

Фрейд вовсе не говорил, будто вытеснение *происходит* из подавления, то есть, образно говоря, обязано своим возникновением тому, что папа, увидев, как малыш теребит себе пипку, грозится: «Гляди, будешь так снова делать, ее тебе точно отрежут!»

Совершенно естественно, однако, что

la pensée, à Freud, de partir de là pour l'expérience, — à entendre de ce qui la définit dans le discours analytique. Disons qu'à mesure qu'il y avançait, il penchait plus vers l'idée que le refoulement était premier. C'est dans l'ensemble la bascule de la seconde topique. La gourmandise dont il dénote le surmoi est structurale, non pas effet de la civilisation, mais «malaise (symptôme) dans la civilisation».

Le refoulement originaire.

De sorte qu'il y a lieu de revenir sur l'épreuve, à partir de ce que ce soit le refoulement qui produise la répression. Pourquoi la famille, la société elle-même ne seraient-elles pas créations à s'édifier du refoulement? Rien de moins, mais ça se pourrait de ce que l'inconscient ex-siste, se motive de la structure, soit du langage. Freud élimine si peu cette solution que c'est pour en trancher qu'il s'acharne sur le cas de l'homme-aux-loups, lequel homme s'en trouve plutôt mal. Encore semble-t-il que ce

при уясении своего опыта Фрейду пришло в голову исходить именно из подавления – то есть из того самого, что служит определением этому опыту в аналитическом дискурсе. Заметим, впрочем, что с каждым дальнейшим шагом Фрейд все более склонялся к мысли, что первичным было именно вытеснение. В этом, вообще говоря, переключение на вторую топику и состоит. Гурманство, характеризующее у него сверх-Я, принадлежит структуре – это не следствие цивилизации, а «недовольство (симптом) внутри цивилизации».

Первичное вытесение

Так что налицо основания проверить все заново, исходя из того, на сей раз, что подавление производится вытеснением. Общество, семья – не зиждятся ли они сами на вытеснении? Поистине так, но возможно это лишь постольку, поскольку вне-существование бессознательного и мотивация его идут от структуры, то есть от языка. Фрейд подобное решение нимало не исключает – более того, именно для того чтобы окончательно остановиться на нем, набрасывается он с таким ожесточением на дело «человека с волками» — которому это, по всему судя, отнюдь не идет на пользу. Похоже, однако,

ratage, ratage du cas, soit de peu auprès de sa réussite: celle d'établir le réel des faits.

S'il reste énigmatique, ce réel, est-ce au discours analytique, d'être lui-même institution, qu'il faut l'attribuer?

Point d'autre recours alors que le projet de la science pour venir à bout de la sexualité: la sexologie n'y étant encore que projet. Projet à quoi, il y insiste, Freud faisait confiance. Confiance qu'il avoue gratuite, ce qui en dit long sur son éthique.

Du nouveau dans l'amour.

Or le discours analytique, lui, fait promesse: d'introduire du nouveau. Ce, chose énorme, dans le champ dont se produit l'inconscient, puisque ses impasses, entre autres certes, mais d'abord, se révèlent dans l'amour.

Ce n'est pas que tout le monde ne soit aver

что неудача эта, неудача в конкретном случае, обернулась в конечном счете удачей куда более значительной – установлением Реального самих фактов.

Если оно, Реальное это, остается загадочным, следует ли относить эту загадочность на счет аналитического дискурса в качестве некоего, в свою очередь, социального образования?

Средство одно: проект науки, которая позволила бы овладеть сексуальностью, – сексология была в ту пору не более чем проектом. Проектом, к которому Фрейд – он сам на этом настаивает – испытывал доверие. Доверие, в котором он не стесняется признаваться, что красноречиво свидетельствует о его этических принципах.

Новое в любви

Итак, аналитический дискурс, со своей стороны, является многообещающим – он обещает ввести нечто новое. Причем новое это, что имеет колоссальную важность, принадлежит той области, откуда происходит бессознательное, ибо тупики его обнаруживаются – пусть не все, но преимущественно – в любви.

Конечно, о новости этой, давно став-

7 Заказ № 3484

ti de ce nouveau qui court les rues —, mais il ne réveille personne, pour la raison que ce nouveau est transcendant: le mot est à prendre du même signe qu'il constitue dans la théorie des nombres, soit mathématiquement.

D'où ce n'est pas pour rien qu'il se supporte du nom de trans-fert.

Pour réveiller mon monde, ce transfert je l'articule du «sujet supposé savoir». Il y a là explication, dépliement de ce que le nom n'épingle qu'obscurément. Soit: que le sujet, par le transfert, est supposé au savoir dont il consiste comme sujet de l'inconscient et que
$\frac{a}{S_2}$ c'est là ce qui est transféré sur l'analyste, soit ce savoir en tant qu'il ne pense, ni ne calcule, ni ne juge pour n'en pas moins porter effet de travail.

Ça vaut ce que ça vaut, ce frayage, mais c'est comme si je flûtais,... ou pire comme si c'était la frousse que je leur foutais.

шей притчей во языцах, мир уже наслышан – но в чувство это никого не приводит, по той простой причине, что новое это трансцендентно, трансцендентно в том смысле, в котором понимается соответствующий знак в теории чисел, то есть в смысле математическом.

Не случайно поэтому носителем этого нового стало именование пере-нос.

Чтобы привести своих окружающих в чувство, я артикулирую этот перенос как «субъект, который предполагается знающим». Тут налицо своего рода объяснение, развертывание того, что слово это лишь впотьмах нащупывает, а именно, что субъект, посредством переноса, предполагается у того знания, из которого он как субъект бессознательного и состоит, и что как раз оно-то и переносится на аналитика – то самое знание, что, не думая, не рассчитывая и не рассуждая, имеет, тем не менее, своим следствием выполненную работу. $\frac{a}{S_2}$

Не стоит эти ориентиры переоценивать, но выглядит это так, словно я заманиваю их игрою на дудочке – или, что еще хуже, словно у них по моей вине играет очко.

SAMCDA simplicitas: ils n'osent. Ils n'osent s'avancer où ça mène.

Ce n'est pas que je ne me décarcasse! Je profère «l'analyste ne s'autorise que de lui-même». J'institue «la passe» dans mon École, soit l'examen de ce qui décide un analysant à se poser en analyste, — ceci sans y forcer personne. Ça ne porte pas encore, je dois l'avouer, mais là on s'en occupe, et mon École, je ne l'ai pas de si longtemps.

Ce n'est pas que j'aie l'espoir qu'ailleurs on cesse de faire du transfert retour à l'envoyeur. C'est l'attribut du patient, une singularité qui ne nous touche qu'à nous commander la prudence, dans son appréciation d'abord, et plus que dans son maniement. Ici l'on s'en accommode, mais là où irions-nous?

Ce que je sais, c'est que le discours analytique ne peut se soutenir d'un seul. J'ai

Эти уж мне миловзоры из ОВЗоАДа – они не решаются. Туда, куда это ведет, они не готовы сделать ни шагу.

Я ли не лезу для этого из кожи вон! «Аналитика никто не уполномочивает, кроме него самого», – провозглашаю я. Я устанавливаю в Школе критерий «перехода», суть которого – в изучении того, что именно склоняет проходящего анализ к занятию позиции аналитика, – изучении, никого ни к чему не принуждающем. Должен признаться, что получается это пока неважно, но в Школе этим занимаются, а существует Школа совсем не так уж давно.

Не то чтобы я всерьез надеялся, будто за пределами Школы прекратят возвращать перенос его отправителю. Перед нами исключительная принадлежность пациента, его единственность, соприкосновение с которой диктует нам в качестве условия своего осторожность, и прежде всего – более даже, нежели в работе с ней – в ее оценке. Здесь к этому кое-как приспособились – но куда может зайти дело там?

Одно я знаю наверное: аналитический дискурс не может держаться на ком-то

Transfini du discours

le bonheur qu'il y en ait qui me suivent. Le discours a donc sa chance.

Impossible du Bien-dire sur le sexe,...

Aucune effervescence, — qui aussi bien se suscite de lui —, ne saurait lever ce qu'il atteste d'une malédiction sur le sexe, que Freud évoque dans son «Malaise».

Si j'ai parlé d'ennui, voire de morosité, à propos de l'abord «divin» de l'amour, comment méconnaître que ces deux affects se dénoncent — de propos, voire d'actes — chez les jeunes qui se vouent à des rapports sans répression —, le plus fort étant que les analystes dont ainsi ils se motivent leur opposent bouche pincée.

Même si les souvenirs de la répression familiale n'étaient pas vrais, il faudrait les inventer, et on n'y manque pas. Le mythe, c'est ça, la tentative de donner forme épique à ce qui s'opère de la structure.

.. c'est de structure,

L'impasse sexuelle sécrète les fictions

одном. Я счастлив, что находятся люди, которые за мной следуют. Это значит, что у дискурса есть шанс.

Трансфинитность дискурса

Никакое брожение – им же и возбуждаемое – не в силах было бы отменить его собственное свидетельство о том лежащем на сексе проклятии, что упоминается Фрейдом в «Недовольстве».

Невозможна искусная речь о сексуальности,..

Если о тоске, даже об угрюмости, я в связи с «божественной» версией любви уже говорил, как не признать, что оба аффекта эти выдают себя – в словах и даже в действиях – у тех молодых людей, которые вступают в связи, никакого подавления не испытывая, причем самое замечательное, что те самые аналитики, у которых черпают эти молодые люди свою мотивацию, выслушивают их неодобрительно поджав губы.

Даже если бы воспоминания о подавлении в семье были неправдой, их следовало бы выдумать, без чего, в действительности, дело и не обходится. Миф как раз это самое и есть – попытка облечь то, что обусловлено самой структурой, в эпическую форму.

...и дело тут в структуре.

Тупик сексуальности выделяет, по-

qui rationalisent l'impossible dont elle provient. Je ne les dis pas imaginées, j'y lis comme Freud l'invitation au réel qui en répond.

... lire le mythe d'Œdipe.

L'ordre familial ne fait que traduire que le Père n'est pas le géniteur, et que la Mère reste contaminer la femme pour le petit d'homme; le reste s'ensuit.

Ce n'est pas que j'apprécie le goût de l'ordre qu'il y a chez ce petit, ce qu'il énonce à dire: «personnellement *(sic)* j'ai horreur de l'anarchie». Le propre de l'ordre, où il y en a le moindre, c'est qu'on n'a pas à le goûter puisqu'il est établi.

C'est arrivé déjà quelque part par bon heur, et c'est heur bon tout juste à démontrer que ça y va mal pour même l'ébauche d'une liberté. C'est le capitalisme remis en ordre. Au temps donc pour le sexe, puisqu'on effet le capitalisme, c'est de là

добно железе, фикции, рационализирующие невозможное, которое этот тупик создало. Я не говорю, что фикции эти – плоды воображения, в них читается мне, как и Фрейду, приглашение к Реальному, которое и выступает их поручителем.

Устроение семьи всего-навсего обнаруживает наглядно ту истину, что Отец – это вовсе не биологический производитель, а женщина так и остается для мужичонки заражена Матерью; все остальное просто отсюда следует. *-читай миф об Эдипе*

Я бы не сказал, что придаю большое значение заметному у этого мужичонки вкусу к порядку – тому, что он высказывает, говоря, к примеру: «Лично я (*sic*) терпеть не могу анархии». Порядок или строй – там, где он хоть в малейшей мере присутствует, – имеет то свойство, что ценить его не приходится: он заведен и все тут.

Это уже во время оно, к счастью, где-то произошло, и самое время теперь показать, что даже с зачатками свободы дело обстоит как нельзя хуже. Это капитализм, заново приведенный в порядок. Вовремя для секса, потому что капитализм, на самом деле, начинается именно с этого

qu'il est parti, de le mettre au rancart.

Vous avez donné dans le gauchisme, mais autant que je le sache, pas dans le sexo-gau-chisme. C'est que celui-ci ne tient qu'au discours analytique, tel qu'il ex-siste pour l'heure. Il ex-siste mal, de ne faire que redoubler la malédiction sur le sexe. En quoi il se montre redouter cette éthique que je situais du bien-dire.

— N'est-ce pas reconnaître seulement qu'il n'y a rien à attendre de la psychanalyse pour ce qui est d'apprendre à faire l'amour? D'où on comprend que les espoirs se reportent sur la sexologie.

— Comme je l'ai tout à l'heure laissé entendre, c'est plutôt la sexologie dont il n'y a rien à attendre. On ne peut par l'observation de ce qui tombe sous nos sens, c'est-à-dire la perversion, rien construire de nouveau dans l'amour.

Dieu par contre a si bien ex-siste que le paganisme en peuplait le monde sans que

– с отправки секса на свалку.

Вы держитесь левых взглядов, но насколько я знаю, не в отношении секса. Ибо левизна сексуальная всецело опирается на аналитический дискурс – в том виде, в котором он на сегодняшний день вне-существует. А вне-существует он скверно, лишь усугубляя собою лежащее на сексуальности проклятие. В чем и дают о себе знать опасения его перед этикой, ориентиром которой стало у меня искусное слово.

Не сводится ли это к признанию, что в науке любви от психоанализа ждать помощи не приходится? Откуда можно заключить, что надежды вновь возлагаются на сексологию.

Наоборот: как я только что дал понять, это от сексологии, скорее, ожидать нечего. Наблюдая над тем, что лежит в сфере наших чувств, то есть над перверсией, ничего нового нам в любви выстроить не удастся.

Бог, напротив, вне́-существовал с таким успехом, что язычество населило ими целый мир, хотя никто в этом деле

personne y entende rien. C'est où nous revenons.

Dieu merci! comme on dit, d'autres traditions nous assurent qu'il y a eu des gens plus sensés, dans le Tao par exemple. Dommage que ce qui pour eux faisait sens soit pour nous sans portée, de laisser froide notre jouissance.

Sagesse?

Pas de quoi nous frapper, si la Voie comme je l'ai dit passe par le Signe. S'il s'y démontre quelque impasse, — je dis bien: s'assure à se démontrer, — c'est là notre chance que nous en touchions le réel pur et simple, — comme ce qui empêche d'en dire *toute* la vérité.

Dieu est dire.

Il n'y aura de di-eu-re de l'amour que ce compte fait, dont le complexe ne peut se dire qu'à se faire tordu.

— *Vous n'opposez pas aux jeunes, comme vous dites, bouche pincée. Certes pas, puisque vous leur avez lancé un jour,*

так ничего и не понял. Вот к чему мы возвращаемся.

Слава богу, как говорится, другие традиции уверяют нас, что в старое время встречались люди более здравомыслящие – в даосизме например. Жаль лишь, что казавшееся здравым для них нас больше не трогает, ибо наслаждения в нас более не возбуждает. *Мудрость?*

Но беспокоиться не стоит, если Путь лежит, как я и говорил, через Знак. Ибо если обнаруживается при этом наглядно – точнее, удостоверяется фактом своего наглядного обнаружения – некий тупик, то это дает нам единственный шанс прикоснуться к Реальному в чистом виде – как тому самому, что не позволяет нам высказать о нем *всю* правду.

Нельзя бо*говорить* любовь, не проделав этих рассуждений, комплекс которых не позволяет себя выговорить без словесного выверта. *говорить значит Боготворить*

Сами Вы вовсе не говорите с молодежью по Вашему собственному выражению "поджав губы". Это уж точно: недаром бросили Вы им однажды

à Vincennes: «Comme révolutionnaires, vous aspirez à un maître. Vous l'aurez.» En somme, vous découragez la jeunesse.

— Ils me cassaient les pieds selon la mode de l'époque. Il me fallait marquer le coup.

Un coup si vrai que depuis ils se pressent à mon séminaire. De préférer, somme toute, à la trique ma bonace.

— *D'où vous vient par ailleurs l'assurance de prophétiser la montée du racisme? Et pourquoi diable le dire?*

— Parce que ce ne me paraît pas drôle et que pourtant, c'est vrai.

Dans l'égarement de notre jouissance, il n'y a que l'Autre qui la situe, mais c'est en tant que nous en sommes séparés. D'où des fantasmes, inédits quand on ne se mêlait pas.

в Венсенне следующую фразу: «Будучи революционерами, вы желаете получить господина. И он у вас будет». Короче говоря, Вы лишаете молодежь присутствия духа.

Они меня на свой тогдашний манер доставали. Нужно же мне было отреагировать!

Реакция была настолько точной, что они теперь ломятся на мой семинар. Предпочитая, одним словом, кнуту мой пряник.

Почему столь уверенно пророчите Вы новую волну расизма? И к чему, собственно, об этом нужно вслух заявлять?

Потому что это, на мой взгляд, не смешно и потому что, как-никак, это правда. В условиях, когда наше наслаждение сбилось с пути, ориентиром ему служит только Другой, но происходит это лишь постольку, поскольку мы отделены от него. Откуда и фантазмы – неслыханные в те времена, когда столпотворения еще не было.

Laisser cet Autre à son mode de jouissance, c'est ce qui ne se pourrait qu'à ne pas lui imposer le nôtre, à ne pas le tenir pour un sous-développé.

S'y ajoutant la précarité de notre mode, qui désormais ne se situe que du plus-de-jouir, qui même ne s'énonce plus autrement, comment espérer que se poursuive l'humanitairerie de commande dont s'habillaient nos exactions?

Dieu, à en reprendre de la force, finirait-il par ex-sister, ça ne présage rien de meilleur qu'un retour de son passé funeste.

Предоставить Другого его собственному образу наслаждения возможно лишь при условии, что мы не станем навязывать ему своего, не станем относиться к нему как к недоразвитому.

Учитывая к тому же зыбкость нашего собственного образа наслаждения, единственным ориентиром которому остается избыток наслаждения, наслаждение «прибавочное», – образа, который и высказать-то себя не может иначе, как через это последнее, – можно ли надеяться на сохранение и в дальнейшем той командной «гуманитарности», в которую наше вымогательство до сих пор облекалось?

И если Бог, обретя в результате новые силы, обратится вне-бытием, ничего хорошего, кроме возврата его злополучного прошлого, это нам не сулит.

8 Заказ № 3484

VI

— *Trois questions résument pour Kant, voir le Canon de la première Critique, ce qu'il appelle «l'intérêt de notre raison»;* Que puis-je savoir? Que dois-je faire? Que m'est-il permis d'espérer? *Formule qui, vous ne l'ignorer pas, est dérivée de l'exégèse médiévale, et précisément d'Agostino de Dacie. Luther la cite, pour la critiquer. Voici l'exercice que je vous propose: y répondre, à votre tour, ou y trouver à redire.*

— Le terme «ceux qui m'entendent» devrait,

VI

Три вопроса резюмируют для Канта в Каноне его первой Критики то, что он называет «интересом нашего разума»: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что позволительно мне надеяться?» Формула, которая восходит, как вы знаете, к средневековой экзегетике, точнее – к Агостино из Дакии. Именно ее цитирует, подвергая критике, Лютер. Итак, вот упражнение, которое я предлагаю Вам: ответить, в свою очередь, на эти вопросы либо оспорить саму правильность их постановки.

Термин «те, кто меня слышит» должен,

aux propres oreilles qu'il intéresse, se révéler d'un autre accent à ce qu'y résonnent vos questions, au point que leur apparaisse à quel point mon discours n'y répond pas.

Aussi bien n'y eût-il que moi à qui elles fissent cet effet, qu'il serait encore objectif, puisque c'est moi qu'elles font objet à ce qu'il choie de ce discours, au point d'entendre qu'il les exclut, — la chose allant au bénéfice (pour moi «il est vrai» secondaire) de me rendre raison de ce dont je me casse la tête quand, ce discours, j'y suis: — de l'assistance qu'il recueille, pour moi à lui sans mesure. A cette assistance, ça apporte de ne plus entendre ça.

Il y a là de quoi m'inciter à, votre flottille kantienne, m'en faire embarcation pour que mon discours s'offre à l'épreuve d'une autre structure.

видимо, для слуха тех, кого он касается, получить теперь, когда звучат в нем Ваши вопросы, несколько иную окраску, вплоть до того, что им станет ясно, насколько мало мой дискурс служит на них ответом.

Даже если бы вопросы эти подействовали таким образом на меня одного, действие это все же оставалось бы объективным, ибо меня-то, мое собственное Я, и делают они объектом, а делают постольку, поскольку в момент осознания того, что он, дискурс, подобные вопросы исключает, оно из этого дискурса выпадает – выгода чего (для меня, вы уж поверьте, вторичная) состоит в возможности объяснить себе то, над чем ломаю я голову, когда дискурс этот из года в год продолжаю: многочисленность аудитории, которую он собирает, – на мой взгляд, ему вовсе не соответствующую. Если аудитория эта не получает на свои вопросы ответа – оно для нее только к лучшему.

Есть, как видите, у меня повод взойти на борт вашей кантовской флотилии, подвергнув свой дискурс испытанию иной для него структурой.

— Eh bien, que puis-je savoir?

«Je le savais déjà»,...

— Mon discours n'admet pas la question de ce qu'on peut savoir, puisqu'il part de le supposer comme sujet de l'inconscient.

Bien sûr n'ignoré-je pas le choc que fut Newton pour les discours de son époque et que c'est là ce dont procède Kant et sa cogitature. Il en ferait bord, de celle-ci, bord précurseur à l'analyse, quand il l'affronte à Swedenborg, mais pour tâter de Newton, il retourne à l'ornière philosophique de s'imaginer que Newton résume de ladite le piétinement. Kant serait-il parti du commentaire de Newton sur le livre de Daniel qu'il n'est pas sûr qu'il y eût trouvé le ressort de l'inconscient. Question d'étoffé.

.. car «apriori» est le langage, .

Là-dessus je lâche le morceau de ce que répond le discours analytique à l'incongru de la question: que puis-je savoir? Réponse: rien qui n'ait la structure du langage en tout cas, d'où il résulte que jusqu'où j'irai *dans*

Вопроса о том, что можно знать, мой дискурс не допускает, ибо исходит из того, что предполагает это нечто в качестве субъекта бессознательного.

«Я уже знал это».

Для меня не был, конечно, секретом, тот шок, которым обернулись для дискурса современников идеи Ньютона, как и тот факт, что именно от этого шока ведет свое происхождение мысленная эквилибристика Канта. В споре со Сведенборгом Кант мог бы, предвосхищая анализ, подойти к его границам вплотную, однако, соприкоснувшись с Ньютоном, вернулся в колею философии, искренне полагая, будто мысль Ньютона воплощает собой итоговое ее достижение. Исходи Кант из ньютоновых комментариев на книгу Даниила – и то навряд ли сумел бы он истоки бессознательного обнаружить. Вопрос характера.

Настало время приоткрыть хоть отчасти то, чем отвечает аналитический дискурс на несуразность вопроса «что я могу знать?». Итак, ответ: Ничего – по крайней мере, что не имело бы структуры языка, откуда следует, что то, до какой границы

ибо «a priori» – это именно язык.

cette limite, est une question de logique.

Ceci s'affirme de ce que le discours scientifique réussisse l'alunissage où s'atteste pour la pensée l'irruption d'un réel. Ceci sans que la mathématique ait d'appareil que langagier. C'est ce dont les contemporains de Newton marquaient le coup. Ils demandaient comment chaque masse savait la distance des autres. A quoi Newton: «Dieu, lui, le sait» — et fait ce qui faut.

Mais le discours politique, — ceci à noter —, entrant dans l'avatar, l'avènement du réel, l'alunissage s'est produit, au reste sans que le philosophe qu'il y a en chacun par la voie du journal s'en émeuve sinon vaguement.

L'enjeu maintenant est de quoi aidera à sortir le réel-de-la-structure: de ce qui de la langue ne fait pas chiffre, mais signe à déchiffrer.

Ma réponse donc ne répète Kant qu'à ceci près que se sont découverts depuis les faits de

я *внутри* этих пределов дойду, есть исключительно вопрос логики.

Это подтверждается тем, что научный дискурс с успехом осуществляет посадку на луне, удостоверяющую для мысли вторжение Реального. Причем никакого аппарата, помимо языкового, в распоряжении у математики нет. Это как раз и вызвало у современников Ньютона возражение. «Откуда каждая из масс знает свое расстояние от других?» – поинтересовались они. «То одному Богу известно», – ответил Ньютон, продолжая заниматься своим делом.

Следует, однако, отметить, что когда в аватару, в пришествие Реального, вошел дискурс политический, осуществилась посадка на луну, причем философа, который благодаря Журналу в каждом из нас сидит, это заметно не взволновало.

Все дело теперь в том, что позволит нам выявить Реальное структуры, – в том самом, что делает язык не шифром, а подлежащим расшифровке знаком.

Ответ мой, следовательно, повторяет Канта лишь с той существенной оговоркой, что за истекшее с тех пор время бы-

l'inconscient, et qu'une logique s'est développée de la mathématique comme si déjà «le retour» de ces faits la suscitait. Nulle critique en effet, malgré le titre bien connu de ses ouvrages, ne vient à juger en eux de la logique classique, en quoi il témoigne seulement être jouet de son inconscient, qui de ne penser ne saurait juger ni calculer dans le travail qu'il produit à l'aveugle.

.. mais pas la logique des classes.

Le sujet de l'inconscient, lui, embraye sur le corps. Faut-il que je revienne sur ce qu'il ne se situe véritablement que d'un discours, soit de ce dont l'artifice fait le concret, oh combien!

Pas de discours qui ne soit du semblant

Quoi de là peut se dire, du savoir qui ex-siste pour nous dans l'inconscient, mais qu'un discours seul articule, quoi peut se dire dont le réel nous vienne par ce discours? Ainsi se traduit votre question dans mon con-

ли открыты факты бессознательного, а математическая логика получила такое развитие, словно само «возвращение» этих фактов ее вызывало к жизни. Вопреки хорошо известным названиям его трудов, классическая логика не оказывается в них предметом критического суждения, что и выдает в нем марионетку собственного бессознательного, которая, будучи бездумна, ни судить, ни рассчитывать не способна, проделывая свою работу вслепую.

..но не логика классовая

Что касается субъекта бессознательного, то он включается, подобно звену, в механизм тела. Нужно ли напоминать здесь, что место его задается исключительно исходя из дискурса – то есть того, чья искусственность как раз и являет собой конкретное, да еще какое!

Нет дискурса, который не шел бы от подобия

Что из этого может быть сказано? Что может быть высказано из того знания, которое вне-существует для нас в нашем бессознательном, но которое лишь дискурс позволяет артикулировать; что может быть высказано из того, чье Реальное достигает нас лишь посредством этого дискурса? Именно так Ваш вопрос в моем контексте воспроизводится – другими

texte, c'est-à-dire qu'elle paraît folle.

Il faut pourtant oser la poser telle pour avancer comment, à suivre l'expérience instituée, pourraient venir propositions à démontrer pour la soutenir. Allons.

Peut-on dire par exemple que, si L'homme veut *La* femme, il ne l'atteint qu'à échouer dans le champ de la perversion? C'est ce qui se formule de l'expérience instituée du discours psychanalytique. Si cela se vérifie, est-ce enseignable à tout le monde, c'est-à -dire scientifique, puisque la science s'est frayé la voie de partir de ce postulat?

Le mathème

Je dis que ça l'est, et d'autant plus que, comme le souhaitait Renan pour «l'avenir de la science», c'est sans conséquence puisque *La* femme n'ex-siste pas. Mais qu'elle n'ex-siste pas, n'exclut pas qu'on en fasse l'objet de son désir. Bien au contraire, d'où le résultat.

La femme

словами, он предстает как безумный.

Следует, однако, решиться в этой форме его поставить – только тогда сможем мы объяснить, каким образом могли бы в рамках аналитического опыта обнаружиться требующие доказательства положения, способные под вопрос этот подвести основу. Итак, приступим.

Можно ли, к примеру, сказать, что если Мужчина хочет *Женщину*, то получает он ее лишь ценой крушения на мели перверсии? Именно такова формулировка опыта, заданного рамками психоаналитического дискурса. И если эта формулировка подтверждается, может ли она быть преподана всем без различия, то есть является ли она научной – ведь именно исходя из этого постулата наука проложила себе дорогу? *Матема*

Я утверждаю, что именно так и есть, тем более что, как и желал этого «для будущего науки» Ренан, последствий это иметь не будет, ибо *Женщины* как внесуществующей не существует. Но то, что ее не существует, не исключает возможности сделать ее объектом желания. Наоборот – откуда и результаты. *Женщина*

Moyennant quoi L'homme, à se tromper, rencontre *une* femme, avec laquelle tout arrive: soit d'ordinaire ce ratage en quoi consiste la réussite de l'acte sexuel. Les acteurs en sont capables des plus hauts faits, comme on le sait par le théâtre.

Le noble, le tragique, le comique, le bouffon (à se pointer d'une courbe de Gauss), bref l'éventail de ce que produit la scène d'où ça s'exhibe — celle qui clive de tout lien social les affaires d'amour — l'éventail, donc, se réalise, — à produire les fantasmes dont les êtres de parole subsistent dans ce qu'ils dénomment, on ne sait trop pourquoi, de «la vie». Car de «la vie», ils n'ont notion que par l'animal, où n'a que faire leur savoir.

Rien ne tu-émoigne, en effet, comme s'en sont bien aperçus les poètes du théâtre, que *leur* vie à eux êtres de parole ne soit pas un rêve, hors le fait qu'ils tu-ent ces animaux, tu-é-à-toi même, c'est le cas de le dire dans lalangue qui m'est amie d'être

«Tu es...»

Как правило, Мужчина, обманываясь, встречает некую женщину, с которой все и происходит – с которой совершает он тот промах, в котором как раз успех полового акта и состоит. Как свидетельствует нам театр, «актеры», в этом акте занятые, способны на самые невероятные подвиги.

В результате на сцене, где все это предстоит нашим взорам, раскрывается, отслаивая любовную интригу от любых видов социальных связей, целый веер благородства, трагизма, комизма и увенчанной кривой Гаусса буффонады – раскрывается, порождая фантазмы, населяемые словесными существами, которые пребывают в том, что они называют – почему, толком неизвестно – «жизнью». Ибо представление о «жизни» получают они лишь посредством своей животной природы, где их знание ни к чему.

И в самом деле, ничто не свидетельствует о том, что жизнь этих словесных существ не есть, как поэты театра давно для себя открыли, просто-напросто сон – разве что только случается им тех животных, *то* есть (*еси ты*) себя есть – поистине так звучит это на милом *мойом* йа- "Ты еси."

mie(nne).

Car en fin de compte l'amitié, la Φιλία plutôt d'Aristote (que je ne mésestime pas de le quitter), c'est bien par où bascule ce théâtre de l'amour dans la conjugaison du verbe aimer avec tout ce qui s'ensuit de dévouement à l'économie, à la loi de la maison.

Comme on le sait, l'homme habite et, s'il ne sait pas où, n'en a pas moins l'habitude. ἔθος, comme dit Aristote, n'a pas plus à faire avec l'éthique, dont il remarque l'homonymie sans parvenir à l'en cliver, que n'en a le lien conjugal.

Comment, sans soupçonner l'objet qui à tout cela fait pivot, non ἦθος mais ἔθος, l'objet *(a)* pour le nommer, pouvoir en établir la science?

Il est vrai qu'il restera à accorder cet objet du mathème que *La* science, la seule encore

зыке.

Ибо, в конечном счете, дружелюбие, а скорее даже Φιλία Аристотеля (расхождение мое с которым не значит, что я его не ценю) – вот к чему склоняется этот театр любви в спряжении глагола «любить», со всем вытекающим отсюда трепетным отношением к хозяйству и домострою.

Как известно, человек всегда где-то обитает и, даже не зная, где именно, имеет к этому, по меньшей мере, обыкновение. ἔθος у Аристотеля имеет к этике (омонимичность которой философ отмечает, хотя провести между этими понятиями четкую грань ему так и не удается) не большее отношение, чем к узам супружества.

Каким же образом, не заподозрив существование объекта, вокруг которого все это – не ἦθος, а ἔθος, – как вокруг оси, вращается, – объекта (а), одним словом, – можно сделать это предметом науки?

Разумеется, останется при этом и тот объект матемы, который Наука – единственная еще вне-существующая Наука –

9 Заказ № 3484

à ex-sister: *La* physique, a trouvé dans le nombre et la démonstration. Mais comment ne trouverait-il pas chaussure meilleure encore dans cet objet que j'ai dit, s'il est le produit même de ce mathème à situer de la structure, pour peu que celle-ci soit bien l'en-gage, l'en-gage qu'apporte l'inconscient à la muette?

Faut-il pour en convaincre, revenir sur la trace qu'en donne déjà le Ménon, à savoir qu'il y a accès du particulier à la vérité?

C'est à coordonner ces voies qui s'établissent d'un discours, que même à ce qu'il ne procède que de l'un à l'un, du particulier, se conçoit un nouveau que ce discours transmette, aussi incontestablement que du mathème numérique.

Il y suffit que quelque part le rapport sexuel cesse de ne pas s'écrire, que de la con-
L'amour
tingence s'établisse (autant dire), pour qu'une amorce soit conquise de ce qui doit s'achever à le démontrer, ce rapport, com-

Физика, – обнаружила для себя в числе и доказательстве. Но куда более впору придется ей тот объект, о котором говорю я: ведь он и есть продукт этой матемы, продукт, чье место задается структурой – при условии, что структура эта действительно является тем изводом языка, что молчаливо приносит нам в залог бессознательное!

Может быть, чтобы в этой мысли удостовериться, стоит поискать следы ее в платоновском *Меноне*, где о путях, ведущих от частного к истине, уже идет речь?

Именно координация этих путей, чья ориентация определяется дискурсом, позволяет, несмотря на то, что движется дискурс от одного к другому, от частного, помыслить то новое, что дискурс этот передает с бесспорностью не меньшей, чем числовая матема?

Для этого вполне достаточно, чтобы сексуальные отношения где-то прекратили бы не записываться, чтобы воцарилось (можно и так сказать) случайное, в результате чего отвоеван бы оказался начаток того, что должно завершиться в итоге демонстрацией их, этих отношений, невозможности, то есть утверждением их в *Любовь*

me impossible, soit à l'instituer dans le réel.

Cette chance même, on peut l'anticiper, d'un recours à l'axiomatique, logique de la contingence à quoi nous rompt ce dont le mathème, ou ce qu'il détermine comme mathématicien, a senti la nécessité: se laisser choir du recours à aucune évidence.

Ainsi poursuivrons-nous à partir de l'Autre, de l'Autre radical, qu'évoque le non-rapport que le sexe incarne, — dès qu'on y aperçoit qu'il n'y a de l'Un peut-être que par l'expérience de l' (a)sexué.

$\overline{\forall}x \cdot \overline{\Phi}x$

Pour nous il a autant de droit que l'Un à d'un axiome faire sujet. Et voici ce que l'expérience ici suggère. D'abord que s'impose pour les femmes cette négation qu'Aristote écarte de porter sur l'universel, soit de n'être pas-toutes, μή πάντες. Comme si à écarter de l'universel sa négation, Aristote ne le rendait pas simplement futile: le *dictus de omni et nullo*

Реальном.

Этот шанс прибегнуть к аксиоматике, к логике случайного, его можно предвосхитить – ведь именно к этой логике приучает нас то, необходимость чего матема или нечто такое, что определено ею в качестве математика, ощутили: отказ от опоры на какую бы то ни было очевидность.

Итак, мы и в дальнейшем будем исходить из Другого, того радикального Другого, о котором напоминает воплощаемое сексом отсутствие отношения с момента, когда замечаем мы, что Единое и существует-то, пожалуй, лишь в опыте (а)сексуального.

Для нас Другой имеет не меньшее право на то, чтобы стать субъектом аксиомы, нежели Единое. И вот что подсказывает нам здесь опыт. Во-первых, что в отношении женщин действует то отрицательное суждение, которое избегает Аристотель относить ко всеобщему: они *не-все*, μή πάντες. Как будто, не распространяя свое отрицательное суждение на всеобщее, Аристотель не делал его просто-напросто ненужным – ведь *dictus de omni et nullo* ни в каком вне-

$\overline{\forall}x \cdot \overline{\Phi}x$

n'assure d'aucune ex-sistence, comme lui-même en témoigne à, cette ex-sistence, ne l'affirmer que du particulier, sans, au sens fort, s'en rendre compte, c'est-à-dire savoir pourquoi: — l'inconscient.

$\bar{\exists}x \bullet \bar{\Phi}x$ C'est d'où *une* femme, — puisque de plus qu'une on ne peut parler — une femme ne rencontre *L*'homme que dans la psychose.

Posons cet axiome, non que *L*'homme n'ex-siste pas, cas de *La* femme, mais qu'une femme se l'interdit, pas de ce que
S(Ⱥ) soit l'Autre, mais de ce qu' «il n'y a pas d'Autre de l'Autre», comme je le dis.

Ainsi l'universel de ce qu'elles désirent est de la folie: toutes les femmes sont folles, qu'on dit. C'est même pourquoi elles ne sont pas toutes, c'est-à-dire pas folles-du-tout, arrangeantes plutôt: au point qu'il n'y a pas de limites aux concessions que chacune fait pour *un* homme: de son corps, de son âme, de ses biens.

существовании не уверяет нас! О чем само и свидетельствует уже тем, что не утверждает этого вне-существования, иначе как в отношении частного, не отдавая, строго говоря, себе в этом отчета, то есть не зная почему, – вот оно, бессознательное.

Откуда как раз и следует, что *та или иная* женщина – потому что больше, чем об одной, говорить не приходится – встречает Мужчину только в психозе.

$\overline{\exists x} \cdot \overline{\Phi x}$

Примем это за аксиому – не то, что Мужчина не вне-существует (это случай Женщины), а что та или иная женщина это себе запрещает – не оттого что есть Другой, а оттого что, как я уже говорил, «для Другого Другого нет».

$S(\not{A})$

Таким образом, всеобщее того, что они желают, принадлежит безумию – недаром говорят, что все женщины безумны.

Потому-то они как раз и *не-все*, то есть не безумны вовсе, а скорее покладисты – покладисты до такой степени, что нет предела уступкам, которые каждая из них готова для *некоего* мужчины сделать, предоставляя ему свое тело, свою душу, свое имущество.

N'en pouvant mais pour ses fantasmes dont il est moins facile de répondre.

$(\$ \diamond a)$ Elle se prête plutôt à la perversion que je tiens pour celle de *L*'homme. Ce qui la conduit à la mascarade qu'on sait, et qui n'est pas le mensonge que des ingrats, de coller à *L*'homme, lui imputent. Plutôt l'à-tout-hasard de se préparer pour que le fantasme de *L*'homme en elle trouve son heure de vérité. Ce n'est pas excessif puisque la vérité est femme déjà de n'être pas toute, pas toute à se dire en tout cas.

Mais c'est en quoi la vérité se refuse plus souvent qu'à son tour, exigeant de l'acte des airs de sexe, qu'il ne peut tenir, c'est le ratage: réglé comme papier à musique.

Laissons ça de traviole. Mais c'est bien pour la femme que n'est pas fiable l'axiome célèbre de M. Fenouillard, et que, passées les bornes, il y a la limite: à ne pas oublier.

Par quoi, de l'amour, ce n'est pas le sens

Не касается это, однако, ее фантазмов, отвечать за которые далеко не так просто.

Скорее, она идет в данном случае на-
встречу перверсии, которую я считаю
свойственной Мужчине. Это и вынужда- $(8 \diamond a)$
ет ее прибегнуть к известному маскараду, который вовсе не является тем обманом, что неблагодарные, ориентируясь исключительно на Мужчину, ей приписывают. Речь идет, скорее, о подготовке себя, «на всякий случай», к тому, чтобы фантазм Мужчины мог встретить в ней свой момент истины. Никакого преувеличения в этом нет, ведь истина по природе своей женщина – хотя бы потому что она не вся, во всяком случае, не вся говорится.

Почему истина и не дается нам всякий раз, когда, требуя от акта признаков сексуальности, которым он не в состоянии соответствовать, терпим мы неудачу: все разыгрывается здесь как по нотам.

Оставим это как есть. Но именно по отношению к женщине знаменитая формула г-на Фенуйара не заслуживает доверия, именно по отношению к ней, когда все границы пройдены, остается предел, забывать о котором не следует.

В любви важен, следовательно, не

qui compte, mais bien le signe comme ailleurs. C'est même là tout le drame.

Et l'on ne dira pas qu'à se traduire du discours analytique, l'amour se dérobe comme il le fait ailleurs.

«Il n'y a pas de rapport sexuel»

D'ici pourtant que se démontre que ce soit de cet insensé de nature que le réel fasse son entrée dans le monde de l'homme — soit les passages, tout compris: science et politique, qui en coincent L'homme aluné, — d'ici là il y a de la marge.

Car il y faut supposer qu'il y a un tout du réel, ce qu'il faudrait prouver d'abord puisqu'on ne suppose jamais du sujet qu'au raisonnable. *Hypoteses non fingo* veut dire que n'ex-sistent que des discours.

— *Que dois-je faire?*

— Je ne peux que reprendre la question comme tout le monde à me la poser pour moi. Et la réponse est simple. C'est ce que je

смысл ее, а, как и везде, ее знак. В этом-то как раз вся драма и состоит.

Нельзя сказать, что, выражая себя посредством аналитического дискурса, любовь тем самым, как всегда, от нас ускользает.

«Сексуальных отношений не существует»

Между этим, однако, и доказательством того, что именно посредством любви, этого прирожденного безумия, входит в человеческий мир Реальное (а пути известны – это наука и политика, между которыми зажат прилунившийся Мужчина), – между тем и другим остается еще пробел.

Ибо чтобы закрыть его, приходится предполагать, будто существует некая полнота Реального – а это еще нуждается в доказательстве, ибо субъект предполагают лишь у разумного. *Hypoteses non fingo* означает, что вне-существуют только дискурсы.

Что я должен делать?

Мне остается лишь повторить вслед за всеми вами этот вопрос, обратив его к самому себе. И ответ будет простым. То

fais, de ma pratique tirer l'éthique du Bien-dire, que j'ai déjà accentuée.

Prenez-en de la graine, si vous croyez qu'en d'autres discours celle-ci puisse prospérer.

Mais j'en doute. Car l'éthique est relative au discours. Ne rabâchons pas.

L'idée kantienne de la maxime à mettre à l'épreuve de l'universalité de son application, n'est que la grimace dont s'esbigne le réel, d'être pris d'un seul côté.

Ne demande «que faire?» que celui dont le desir s'éteint

Le pied-de-nez à répondre du non-rapport à l'Autre quand on se contente de le prendre au pied de la lettre.

Une éthique de célibataire pour tout dire, celle qu'un Montherlant plus près de nous a incarnée.

Puisse mon ami Claude Lévi-Strauss structurer son exemple dans son discours de réception à l'Académie, puisque l'académicien a le bon heur de n'avoir qu'à

самое, что я делаю, когда из практики своей вывожу ту этику искусного слова, на которой я уже останавливался.

Воспользуйтесь ее уроком, если считаете, что и к другим дискурсам может она привиться.

Но я в этом сомневаюсь. Ибо этика соотнесена с дискурсом. Не будем без конца повторяться.

Кантовская идея максимы, которая обосновывается универсальностью своего применения, является лишь гримасой, где Реального в силу одностороннего к нему подхода простыл и след.

Издевательским, отсылающим «на три буквы» жестом, гарантирующим отсутствие отношения с Другим, когда довольствуются слишком буквальным его пониманием.

Вопросом «что делать?» задается лишь тот, чье желание угасает.

Этикой холостяка, одним словом, – той самой, которую совсем недавно еще воплощал собой Монтерлан.

Хорошо бы, если бы во вступительной речи, которую предстоит ему произнести в Академии, мой друг Клод Леви-Стросс придал своему примеру какую-то структуру, – а то ведь академикам везет: чтобы

chatouiller la vérité pour faire honneur à sa position.

Il est sensible que grâce à vos soins, c'est là que j'en suis moi-même.

— J'aime la pointe. Mais si vous ne vous êtes pas refusé à cet exercice, d'académicien en effet, c'est que vous en êtes, vous, chatouillé. Et je vous le démontre, puisque vous répondez à la troisième question.

— Pour «que m'est-il permis d'espérer?», je vous la rétorque, la question, c'est-à-dire que je l'entends cette fois comme venant de vous. Ce que j'en fais pour moi, j'y ai répondu plus haut.

Comment me concernerait-elle sans me dire quoi espérer? Pensez-vous l'espérance comme sans objet?

Vous donc comme tout autre à qui je donnerais du vous, c'est à ce vous que je réponds, espérez ce qu'il vous plaira.

Sachez seulement que j'ai vu plusieurs

сделать честь своему положению, им достаточно истины лишь коснуться.

Очень трогательно, что Вашими стараниями я оказался в подобном положении сам.

Ценю Ваш юмор. Но если Вы от этого упражнения – приличного академику – не отказались, значит Вы были им тронуты, оно Вам польстило. Что я и доказываю Вам – ведь отвечаете же Вы на третий вопрос.

Что касается вопроса «на что позволено мне надеяться?», то я обращаю его острие в Вашу сторону, то есть рассматриваю его на сей раз как исходящий от Вас. Как я отвечаю на него для себя – об этом я сказал выше.

Разве он касался бы меня, если бы не говорил мне, на что надеяться? Мыслима ли надежда без своего объекта?

Итак, Вы, как и всякий другой, которому я адресую «вы», – именно этому «вы» я и даю свой ответ: надейтесь на что вам будет угодно.

Знайте лишь, что я не раз был свиде-

fois l'espérance, ce qu'on appelle: les lendemains qui chantent, mener les gens que j'estimais autant que je vous estime, au suicide tout simplement.

Pourquoi pas? Le suicide est le seul acte qui puisse réussir sans ratage. Si personne n'en sait rien, c'est qu'il procède du parti-pris de ne rien savoir. Encore Montherlant, à qui sans Claude je ne penserais même pas.

Pour que la question de Kant ait un sens, je la transformerai en: d'où vous espérez? En quoi vous voudriez savoir ce que le discours analytique peut *vous* promettre, puisque pour moi c'est tout cuit.

Ne veux-tu rien savoir du destin que te fait l'inconscient?

La psychanalyse vous permettrait d'espérer assurément de tirer au clair l'inconscient dont vous êtes sujet. Mais chacun sait que je n'y encourage personne, personne dont le désir ne soit pas décidé.

Bien plus, excusez-moi de parler des vous de mauvaise compagnie, je pense qu'il

телем, как надежда – то, что называют «светлое будущее», – доводила людей, которых я уважал не меньше, чем уважаю Вас, просто-напросто до самоубийства.

Почему бы и нет? Самоубийство – это единственное, в чем можно преуспеть, не заплатив за это ценой неудачи. Если никто об этом не знает, то лишь оттого, что с самого начала положил для себя, что ничего знать не хочет. В том числе и Монтерлан, о котором, если бы не Клод, я бы и не подумал.

Чтобы вопрос Канта получил смысл, я бы придал ему несколько иную форму: откуда вы надеетесь? То есть вы хотели бы знать, что может аналитический дискурс обещать *вам*, потому что для меня это дело решенное.

Разумеется, психоанализ дал бы вам некоторую надежду пролить свет на бессознательное, субъектом которого вы являетесь. Но каждому известно, что я никого на это не поощряю – никого, чье желание еще не определилось.

Разве не хочешь ты узнать судьбу, которую уготовило тебе бессознательное?

Более того: извините, что я говорю о тех из «вас», кто Вашего общества не достоин, но я считаю, что разного рода

10 Заказ № 3484

faut refuser le discours psychanalytique aux canailles: c'est sûrement là ce que Freud déguisait d'un prétendu critérium de culture. Les critères d'éthique ne sont malheureusement pas plus certains. Quoi qu'il en soit, c'est d'autres discours qu'ils peuvent se juger, et si j'ose articuler que l'analyse doit se refuser aux canailles, c'est que les canailles en deviennent bêtes, ce qui certes est une amélioration, mais sans espoir, pour reprendre votre terme.

Au reste le discours analytique exclut le vous qui n'est pas déjà dans le transfert, de démontrer ce rapport au sujet supposé savoir — qu'est une manifestation symptomatique de l'inconscient.

J'y exigerais de plus un don de la sorte dont se crible l'accès à la mathématique, si ce don existait, mais c'est un fait que, faute sans doute de ce qu'aucun mathème, hors

сволочи в психоаналитическом дискурсе должно быть отказано – именно это, безусловно, и скрывается у Фрейда за пресловутым «критерием культуры». На этический критерий, к сожалению, больше положиться нельзя. Как бы то ни было, суждение о них возможно в других дискурсах. Если я говорю, что сволочи в психоаналитическом дискурсе должно быть отказано, то лишь потому что сволочь он превращает в дурака – что, понятно, является улучшением, но улучшением, возвращаясь к Вашему термину, безнадежным.

Впрочем, аналитический дискурс исключает и то «вы», которое не находится уже заранее в ситуации *переноса*, ибо именно это отношение – отношение к субъекту, предполагаемому в качестве знающего, отношение, являющееся симптоматической манифестацией бессознательного, – он наглядно обнаруживает.

Я добавил бы сюда еще и требование того особого дара, что является условием восприимчивости к математике, – если дар этот вообще существует. Поскольку, однако, остается фактом, что ни одной матемы, не считая моих собственных,

les miens, ne soit sorti de ce discours, il n'y a pas encore de don discernable à leur épreuve.

La seule chance qui en ex-siste ne relève que du bon heur, en quoi je veux dire que l'espoir n'y fera rien, ce qui suffit à le rendre futile, soit à ne pas le permettre.

дискурс этот не вывел, ни о каком даре, который позволил бы их оценивать, вразумительно говорить не приходится.

Единственный вне-существующий для него шанс состоит лишь в приходе благоприятного часа. Надежда, другими словами, тут не поможет – чего вполне достаточно, чтобы сделать ее бесполезной, а тем самым и вовсе вывести за рамки позволительного.

VII

— Titillez donc voir la vérité que Boileau versifie comme suit: «Ce que l'on conçoit bien, s'énonce clairement.» Votre style, etc.

— Du tac au tac je vous réponds. Il suffit de dix ans pour que ce que j'écris devienne clair pour tous, j'ai vu ça pour ma thèse où pourtant mon style n'était pas encore cristallin. C'est donc un fait d'expérience. Néanmoins je ne vous renvoie pas aux calendes.

A qui joue sur le cristal de la langue,...

Je rétablis que ce qui s'énonce bien, l'on

VII

Коснемся теперь истины, которая получила свое выражение в стихах Буало. «То, о чем имеется хорошее представление, ясно и излагается». Ваш стиль и т. д.

Как аукнется, так и откликнется. Хватило десяти лет, чтобы написанное мною стало ясным для всех, – я был тому свидетелем в отношении моей диссертации, которая кристально ясным слогом еще не отличалась. Перед нами, следовательно, опытно установленный факт. Тем не менее откладывать ответ до греческих календ я не стану.

У того, кто играет на кристалле языка.

Поправляя Буало, я утверждаю: о том,

le conçoit clairement — clairement veut dire que ça fait son chemin. C'en est même désespérant, cette promesse de succès pour la rigueur d'une éthique, de succès de vente tout au moins.

Ça nous ferait sentir le prix de la névrose par quoi se maintient ce que Freud nous rappelle: que ce n'est pas le mal, mais le bien, qui engendre la culpabilité.

Impossible de se retrouver là-dedans sans un soupçon au moins de ce que veut dire la castration. Et ceci nous éclaire sur l'histoire que Boileau là dessus laissait courir, «clairement» pour qu'on s'y trompe, à savoir qu'on y croie.

... un jars toujours mange le sexe

Le médit installé dans son ocre réputé: «Il n'est pas de degré du médiocre au pire», voilà ce que j'ai peine à attribuer à l'auteur du vers qui humorise si bien ce mot.

Tout cela est facile, mais ça va mieux à ce qui se révèle, d'entendre ce que je rectifie à

что хорошо излагается, создается ясное представление – говоря «ясное», я имею в виду, что оно получает широкое распространение. Успех, которого удостаивается строгость в формулировке этики, – успех рыночный по меньшей мере – способен, право, привести в отчаяние.

Тут-то мы и почувствовали бы цену невроза, что лишний раз подтверждает положение дел, о котором напоминает нам Фрейд: чувство вины порождается вовсе не злом, а добром.

Невозможно в этой ситуации оказаться, не заподозрив, по меньшей мере, что такое кастрация. Это и проливает свет на пошедшую гулять по свету с легкой руки Буало историю, выдуманную им, «ясное дело», чтобы ввести в заблуждение – другими словами, чтобы ей поверили.

-гусь всегда отъедает срам

Оговор, облаченный в славно приставшую ему охру: «Нет переходной степени между посредственным и худшим,» – вот то, что лишь скрепя сердце могу я приписать автору, столь остроумно обыгравшему в строке своей это слово.

Все это понятно, но еще лучше применимо к тому, что в свете моих нечеловеческих усилий положение дел испра-

pieds de plomb, pour ce que ça est; un mot d'esprit à qui personne ne voit que du feu.

Ne savons-nous que le mot d'esprit est lapsus calculé, celui qui gagne à la main l'inconscient? Ça se lit dans Freud sur le mot d'esprit.

Et si l'inconscient ne pense, ne calcule, etc., c'est d'autant plus pensable.

On le surprendra à réentendre, si on le peut, ce que je me suis amusé à moduler dans mon exemple de ce qui peut se savoir, et mieux: moins de jouer du bon heur de lalangue que d'en suivre la monte dans le langage...

Il a fallu même un coup de pouce pour que je m'en aperçoive, et c'est là où se démontre le fin du site de l'interprétation.

Devant le gant retourné supposer que la main savait ce qu'elle faisait, n'est-ce pas le rendre, le gant, justement à quelqu'un que

вить предстает в подлинном своем виде – в виде остроты, что оставляет всех без исключения в дураках.

Разве не знаем мы, что острота – это заранее рассчитанная оговорка, оговорка, в результате которой бессознательное оказывается у нас в руках. Суть того, что пишет Фрейд об остроте, именно в этом. И это тем более легко представить себе, если бессознательное действительно не думает, не рассчитывает и т. д.

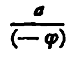
Застать его врасплох можно лишь заново, да получше, усвоив, если удастся, правило, которое выразил я, забавы ради, в иной тональности, когда привел пример того, что может быть познано: не столько полагаться на везение в йазыке, сколько следить за тем, как осваивается этот последний в седле языка.

Чтобы я это заметил, понадобилось меня слегка подтолкнуть – здесь-то позиция истолкования свою сущность и обнаруживает.

Предположить при виде вывернутой наизнанку перчатки, что рука знала, что она делала, – не значит ли это вернуть ее, эту перчатку, тому самому человеку, на стороне которого выступили бы Лафон-

supporteraient La Fontaine et Racine?

L'interprétation doit être preste pour satisfaire à l'entreprêt.

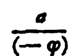

De ce qui perdure de perte pure à ce qui ne parie que du père au pire.

тен и Расин?

Истолкование должно быть расторопным, – чтобы удовлетворить взаимствованию.

– Между тем, что пребывает от утраченного вконец, и тем, что держит пари на худшее, нежели отец.

Примечания

Прим. пер. к с. 20: Фраза “*les non-dupes errent*”, означающая «не давшие себя в обман заблуждаются», может быть одновременно прочитана как *les noms du pere*, «имена отца».

Переводчик выражает свою глубокую признательность г-же *Жюдит Миллер* за неоценимую помощь в работе над настоящим переводом.

Жак Лакан
Телевидение

Перевод с фр. А. Черноглазова.

Корректор – Д. Лунгина
Верстка – А. Кефал

Художественное оформление – Ната Пирцхалава

ИТДК «Гнозис» «Издательство "Логос"»
Лицензия ЛР № 065364 от 20 авг. 1997 г.
Tel.: 2471757; fax: 246-2020 (Г-25); e-mail: logos@rinet.ru

Справки и оптовые закупки по адресу:
м. "Парк Культуры", Зубовский б-р, 17, ком. 5-6
ИТДК "Гнозис", тел. 2471757.

Подписано в печать 26.09.2000. Формат 70x108/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в ГУП Ордена «Знак почета» Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова
Заказ № 3484.

ISBN 5-8163-0016-4

